КАРИНА ДЕМИНА

УЖ ЗАМУЖ НЕВТЕРПЕЖ

Карина Демина
Уж замуж невтерпеж

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68077994

Аннотация

Невесты съехались ко двору. Выбирай любую – одна другой краше. И каждая готова хоть завтра под венец. Вот только мысли Ричарда то и дело сворачивают куда-то не туда. То на тайны древние, то на демоницу, что изо всех сил пытается задание выполнить, то и вовсе в голове дурное появляется. А еще и тьма предвечная очнулась, поползла по Замку, людей будоража.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 37
Глава 4 49
Глава 5 61
Глава 6 74
Глава 7 87
Глава 8 101
Глава 9 115
Глава 10 128
Глава 11 148
Глава 12 163
Конец ознакомительного фрагмента. 164

Карина Демина
Уж замуж невтерпеж

Глава 1
Где начинается знакомство девиц с миром проклятым

«И женщине надлежно смирение проявить и разумение, ибо в том суть женская, и сила, данная свыше. Тогда как мужская суть зело придурью всякою испорчена, оттого и неспокойна, в движении пребывает, в поиске себя и великих свершений».
«Размышления о сути женской и мужской, а тако же о тяжком бремени супружества и прочих важных сутях».

Спящим государь всея Вироссы и земель прилегающий, выглядел до того мирным, что желание пнуть братца куда-то взяло и исчезло. Во сне он шевелил губами и пускал пузырики, губы его то и дело растягивались в улыбке, а светлые реснички дрожали.

Мудрослава вздохнула.

И наклонилась.

Дернула за косу.

– Ай! – возмутился братец, косу к себе отбирая. – Совсем

оторвешь, а её, между прочим, знаешь, до чего непросто крепить?

– Не знаю, – Мудрослава прижала палец к губам и огляделась.

Пусто.

Тихо.

Солнце только-только светом плеснуло. Небо серое. И на этой серости темными тенями проступают окрестные скалы.

Девки спят.

И боярыни, которых для порядку отправили, правда, выбравши из тех, что родом поплоше, а то и вовсе сироты. Сироты-то, небось, капризничать не будут.

И служанки.

– Рань несусветная, – Ярка поскреб ребро. Ночная рубаха сбилась, перекрутилась, и теперь из горла выглядывало это вот, чересчур уж мускулистое для девицы, плечо, рыжим пушком покрытое.

– Рань. Самое время оглядеться. Или тебе не интересно?

Мудрослава прищурилась.

Чтоб её неугомонному братцу и не интересно было? Вона, вскочил, рубаху обтянул, правда, резковато чересчур, отчего ткань затрещала, а плечо выглянуло совсем уж неприлично.

– Переодевайся.

Сама Мудрослава отвернулась, больше для порядку, чем из стеснения. А ведь вырос братец. Пусть и не так высок, как отец, и крепости ему не хватает. Вона, тощий весь, что

кошак по весне. И взгляд такой же, задумчиво-блудливый.

Женить его надобно.

И поскорее.

Наследников опять же. Глядишь, появятся наследники, то и заговорщики попритихнут с планами своими. Вот только на ком…

Мудрослава подавила тяжкий вздох.

И вправду, что ли, смотрины устроить? Потом, после, по возвращении? Но Яр точно этакою мыслею не проникнется. Да и на кого там смотреть? Девок худородных не допустят, а кого из знатных, тех он уж не по разу и не по два видывал. Все хороши, белы и румяны, да только за каждою родичи гурьбою стоят.

Отцы да матери.

Дядья с тетками.

Племянники, племянницы и все-то, кому надобно будет помочь, услышать, подсобить… этак и державы на подсобления не хватит.

– Эх, хорошо-то как! – Яр потянулся и рубаха, слабо треснув, поползла по шву.

То ли дело иноземная какая царевна. Она, конечно, тоже при родне, но та будет далеконько, за морем, за горами, а стало быть, коли и полезет вдруг в дела чужие, то не с тою прытью.

Вот только…

Вспомнились ладхемские принцессы, на коих Мудросла-

ва, говоря по правде, весьма себе рассчитывала. Вспомнились и от воспоминаний этих зубы свело.

Не девки, а не пойми что.

Кружева, шелка и перья. Лица размалеваны. Волосья башнею уложены, а из нее перья торчат, будто не особа благородного происхождения – хотя тут-то тоже имелись вопросы – а девка худородная, в птичник кур блюсти поставленная.

И главное, что на саму Мудрославу обе поглядывали этак преснисходительно.

Островитянка была хороша. Особенно статью. Глянешь на такую и сразу ясно, что деток родит здоровых, крепких. Да и бояре с такою связываться поостереглись бы, особливо, если б пришла она с дружиною, как водилось в старые времена. Да только глянется ли она братцу?

Тут аккурат имелись некоторые сомнения.

– Скоро ты? – Мудрослава обернулась и вздохнула.

С рубахой и сарафаном Яр как-то да сладил, а вот с косою запутался. Усевшись на полу, скрестивши ноги – вид сделался самый что ни на есть непотребный – братец неловкими пальцами пытался косу заплести.

– Вот горе-то, – Мудрослава дала по пальцам гребнем. – Сядь ровно. И скажи.

– Чего?

– Как оно тебе тут?

Коса – откуда только взял такую, драную, словно из хвоста конского сделанную – плелась легко.

– Не знаю. Места много, только пусто как-то… а тебе как? Глянулся?

– Кто?

Сердце защемило. Всю дорогу на Мудрославу если и глядел, то не жених нынешний, которого, по правде, и женихом-то назвать неможно было, но Старомысл.

И вроде бы ничего-то непристойного.

Просто… случайные встречи.

Осторожные взгляды, в которых обещание виделось. А от этого, увиденного, сердце сбоило. То вскачь неслось, то замирало трепетно. И хотелось порой закричать. Велеть остановиться.

Повернуть обратно.

Но Мудрослава справлялась с собой. И со снами, которые случались после этих взглядов. Стыдные. Непотребные. Заставляющие просыпаться в испарине, сгорая от непонятной страсти.

Вот диво, а ныне-то спалось спокойно.

– Да… не знаю пока. Какой-то он… не знаю.

– Не такой? – Яр дернулся и поморщился.

– Смирно сиди.

– Сижу.

– Не такой… или это оттого, что ворожба на мне? – Мудрослава затянула шелковую ленту, а после завязала бант попышнее.

Достала из шкатулки бусы.

Повесила на шею братцу. А тем еще одни и еще.

– Не многовато? – тот поднял бусы пальчиком.

– В самый раз. Видел, сколько на ладхемках? Как они тебе?

– Женить решила?

– Надо, Яр. Сам ведь понимаешь.

– Понимаю, – вздохнул братец, поднимаясь. А солнце за окном показалось, пока лишь краешком золотым. И золота этого хватило, чтобы выплеснулось оно окрест, окрасивши горные вершины. И те заискрились, засверкали. От этакой красоты душа заныла. И слезы сами на глаза навернулись.

– Знаешь, умыть бы их… а то ж так размалеваны, что лица не видать.

– А островитянка?

– Не, – Яр замотал головой. – Этакая и пришибет ненароком, если чего вдруг. Да и наши не поймут. Чтоб жена крепче мужа была.

И вправду не поймут.

Хотя брехать поостерегуться. Мужа-то она, может, и не всовсем пришибет, а кого постороннего, так и до смерти.

– Степнячка хороша, – он прищурился.

– Не вздумай даже, – Мудрослава уцепилась за округлое ухо и крутанула легонечко. – А то ведь и вправду женю!

Яр скривился.

Неслух… всегда-то таким был… может, оттого, что наследник? Вот и баловали, что мамка с няньками, что после.

А он хороший, братец. Незлой.

Шебутной только.

Но это от молодости.

– Идем, – Мудрослава поняла, что времени почти не осталось. Еще немного и замок стряхнет оковы сна, и тогда-то станет в нем людно. А ей хотелось посмотреть на это место в тишине.

И она на цыпочках вышла из комнаты.

Спят.

Тихо спят. Сопят, да боярыня Савровская, честная вдова, старшею над Мудрославиным двором поставленная, во сне похрапывает тоненько да жалобно. Прочие девки тихи. Не ворочаются даже.

Ступали на цыпочках. И что-то было такое в этом побеге, донельзя детское, напомнившее о прежних, почти забытых временах, когда не чувствовала Мудрослава тяжести венца царского.

И долга.

И прочего всего.

Яр ненадолго задержался над боярынею, склонился, будто поцеловать желая.

– Что ты…

– Т-с-с-с, – он прижал палец к губам и подмигнул, уголек из рукава доставая.

– Яр, не сейчас!

– А когда? Или думаешь, я забыл, как она меня веником

гоняла?

Вот ведь…

Дверь отворилась беззвучно. И Мудрослава едва не закричала от страху, но вовремя совладала. Мертвяки. В доспехе. Вчера они тоже были, но там, во дворе замка и еще стражею в воротах. А ныне вот подле её покоев.

Охраняют?

Или стерегут? Или и то, и другое разом?

– Ух ты! – Яр вот в восторг пришел и застыл перед мертвяком.

Доспех хорош.

Черный угольный. Этакий внушает… правда, не страх. Первый испуг прошел, и Мудрослава поняла, что на самом-то деле ничего-то жуткого нет. На рыцаря похож, из тех, про которых в книжке писано.

Бронный.

Оружный.

Стоит и не шевелится.

– А он… вообще… как? – Яр оглядел рыцаря слева. И справа. Поплевал на палец и потер броню. Нахмурился так, с интересом и остороженько ткнул в броню пальцем.

Мертвец не пошевелился.

Яр обошел его кругом. И ткнул с другой стороны. Потом подпрыгнул и помахал ладонью перед шлемом.

– Он вообще живой?

– Вообще нет, – сказали Мудрославе. И теперь уж она под-

прыгнула. И Яр подпрыгнул. А вот мертвец, он остался неподвижен.

– Доброго утра, – сказал Повелитель Тьмы.

Тоже не спалось?

Или он вовсе спит днем, а ночью вершит темные дела? И как узнать-то? А главное, что сказать?

– Я привыкла вставать рано, – почти не соврала Мудрослава.

– Ага, – Яр с трудом подавил зевок, отчего лицо его слегка перекосило, будто он рожи строил. Впрочем, Повелитель Тьмы предпочел сие потребство не заметить.

Или вид сделал.

– А вы? – Мудрослава решила быть вежливой. И раз уж осмотреть замок втихую не выйдет, то можно хотя бы с женихом этим побеседовать.

Наедине.

А то вчера он, конечно, речи всякие говорил, которые по протоколу положено, но по речам ведь не поймешь, что за человек пред тобою.

– Не спалось.

Не сказать, чтобы высок. Чуть выше самой Мудрославы. Но крепкий. Не красавец, но и глядеть можно без страха. И… и что еще надобно?

Спокоен.

Улыбается вот.

И живой, главное. Хотя как раз тут еще проверить бы, а

то может он только с виду.

– В таком случае, буду рад, если вы разделите со мною завтрак, – Повелитель Тьмы поклонился.

– Конечно.

Мудрослава ответила улыбкой на улыбку. И почему-то зубы заныли. Нет, ничего-то отталкивающего не было в человеке, что стоял рядом. И… и наверное, любая другая нашла бы его красивым. Или хотя бы стоящим внимания. Но сердце закололо.

И захотелось вдруг вернуться.

Но Яр, словно почуяв неладное, подхватил её под руку.

– А он, стало быть, совсем-совсем мертвый?

– К счастью, совсем.

– Почему «к счастью»?

– Потому как, если человек не совсем мертвый, то возникают всякие… сложности. Непредвиденного характера, – Повелитель Тьмы слегка замялся и порозовел, будто девица. – Живое перерождается. И превращается в то, что именуют нежитью. Хотя на самом деле оно остается именно живым. Однако суть самой жизни столь извращается, что обычному человеку проще назвать то, что выходит, нежитью.

– Ага… – Яр сунул палец в ухо, отчего вид у него сделался совсем уж придурковатый. И Мудрослава подумала, что, если кто вдруг узнает его, если случится разоблачение, то ни она, ни Виросса этакого позора не переживут.

– Нежить? – это слово отозвалось эхом.

И в коридоре появился еще один человек.

– Здесь есть нежить?

Повелитель Тьмы вздохнул и как-то совсем уж тоскливо произнес:

– Чего только здесь нету…

Ричарду и вправду спалось плохо.

Сны были… суетливыми. Он то ли бежал, то ли пытался вырваться откуда-то, но не мог. И с каждым движением все больше увязал то ли в жиже, то ли вовсе в камне.

Перехватывало дыхание.

Мелькали смутные образы. И потом, пробудившись в постели, он еще долго отходил от непонятного этого сна, от ощущения, что он почти услышал.

Почти понял.

Что?

Не ясно.

И потому-то, проснувшись, он умылся ледяною водой, тщетно пытаясь избавиться от едкого страха, от предчувствия беды. Оделся.

Вышел.

Остановился в пустом коридоре, вслушиваясь в такую привычную тишину. Думал было постучать к демонице, но не стал. Она выглядела утомленной и какой-то растерянной, будто это обилие людей, вдруг появившихся в замке, смутило и её.

И Ричард отступил.

Он прошелся по коридорам. Проверил посты, пусть и не было в том нужды. Задержался на несколько мгновений на галерее, глядя, как медленно разгорается рассвет.

А потом встретил Мудрославу Виросскую.

И смутился.

Она была… пожалуй, хороша. И красива. Все-то по-своему оказались красивыми, и пожалуй что, реши он выбирать из портретов, любой выбор был бы удачен. Но вот…

Невысокая.

Ладная.

Именно такая, какой надлежит быть принцессе, хотя не сказать, чтобы Ричарду случалось так уж часто с принцессами дело иметь. Мудрослава Виросская держалась величаво. Каждое её движение было исполнено того сдержанного достоинства, которого так не хватало самому Ричарду. Рядом с нею он остро чувствовал собственную неловкость. И пытался прижимать локти к бокам, и шею тянул, плечи расправлял да так, что спина начинала потрескивать.

Или казалось?

Главное, пришло понимание, что долго он так не выдержит. И потому-то появлению человека, которого здесь вовсе не должно было быть, Ричард обрадовался.

А что, Светозарный Паладин и глава ордена, несмотря на ранний час, выглядел именно так, как никогда не получится у Ричарда.

И величаво.

И сурово.

В общем, именно так, как должен выглядеть глава великого – пусть даже Ксандр утверждал, будто величие давно осталось в прошлом – ордена. Мудрослава Виросская тоже оценила.

Слегка зарделись щеки.

Задрожали ресницы.

И… обидно? Только вместо обиды Ричард ощутил величайшее облегчение. А что? Почему бы и нет? Вместе они смотрятся весьма неплохо. И если вдруг выйдет… нет, что-то не то в голову лезет. С недосыпу, не иначе, потому как ему бы о собственном долге думать, а не о том, как чужое личное счастье устроить.

– Доброго утра, – паладин изобразил поклон, на который Мудрослава Виросская ответила же поклонам. И оба были изящны.

И…

– Доброго, доброго, – отозвалась рябая девица, ныне облачившаяся в ярко-красный сарафан, расшитый ярко-синими же цветами. – Так чего там с нежитью-то? Плодится?

– Бывает.

– Ага… у нас-то только мошкара плодится иным часом, – девица дернула тощую косу и уставилась на бант из атласных лент. – Так от один боярин давече решил указом свыше запретить мошкаре плодится и люд честной грызть.

– А это возможно? – осторожно заметил Артан Светозарный, слегка отодвигаясь от рябой девки. А она наоборот, придвинулась поближе и доверительно так произнесла:

– Дык, боярин же ж. Чего ж невозможного? Указы мошкаре читали.

– И… помогло?

– Кому как, – девица перебросила косу с бантом за спину и вытерла ладони о сарафан. – Мошкаре точно не помешало. Боярин еще тот за ослушание наказать велел. Отыскать смутьянов и высечь… да… необъятна дурь человеческая.

И все задумались.

Артан же Светозарный даже вздохнул, верно, собственный опыт имелся. Ричард же ощутил острый укол зависти. Абсолютно иррациональной, даже глупой, но все равно яркой донельзя.

– И вправду, – он вымученно улыбнулся. – Если уж все встали, то стоит озаботиться завтраком. Заодно и про нежить поговорим, если, конечно, прекрасные дамы не будут против.

– Не будут, – ответила за обоих девица и зарумянилась. Еще потупилась и этак, завлекательно ресницами хлопнуло, отчего у Артана Светозарного глаз дернулся.

Слегка.

А Мудрослава Виросская подавила вздох. И мелькнуло в ее глазах что-то такое… наверное, горячая родственная любовь.

Глава 2
В которой приоткрываются тайны прошлого

«Из всех средств – самое верное на молодую луну поймать жабу и посадить ея в кувшин, налить молока и сказать тайные слова. Мол, пою тебя досыта, а будь милостива, приведи к порогу моему жениха. Чем жаба толще будет, а молоко свежее, тем богаче сыщется жених».
Из рассказов старухи Анфири, коию сельчане почитали за ведьму, а потому советовались с нею по всяким великим и малым делам.

Я открыла глаза.

Твою ж… присниться же такое. А главное, не понять, какое именно. Тягостное. Кисельное. Мутное. Сердце колотится. Руки дрожат. Хвост трясется.

Лежу.

Пялюсь в потолок. Беленький такой.

– И… что это было? – интересуюсь осторожненько так. А Замок молчит. Не знает? Или сказать стесняется. Я дрожащею рукой пот со лба смахнула, вздохнула и села.

Голова слегка кружилась.

Нахлынуло вдруг непонятное раздражение. Злость даже. А с ним и желание кого-нибудь убить. Причем такое четкое,

осознанное почти.

– Так, Жора, спокойно. Дышим глубоко… представляем себе что-нибудь хорошее, – я и вслух-то заговорила, поскольку это несвойственное мне желание, которое и не думало исчезать, пугало до судорог. – Котиков там… солнышко. Полянку.

Перед глазами же вставала та мрачная картина с демоном, пожирающим город.

Не то.

Не так.

Я потрясла головой и рог поскребла. Надо выбросить это из головы. Подумаешь… приснилось дурное. И настроения нет? Тоже проблема. Бывает. И со снами, и с настроением. Тем более причина имеется, даже целых пять, одна другой краше.

Угораздило же ж.

– Угораздило, – призналась я себе со вздохом и выползла-таки из кровати.

За окном загорался рассвет.

Красиво, однако.

Горы. Солнце… там, дома, я только мечтала в горы поехать. Или к морю. Или вообще хоть куда-нибудь, за пределы такого обычного, привычного и родного городка. Но денег хватало лишь на съем да самое необходимое. Даже премии, которые моя незабвенная начальница выписывала щедро, куда-то да уходили.

На нужды неотложные.

А тут вот…

Стою. Любуюсь. Солнце поднимается из пропасти, огромный шар чистого золота, воплощение первозданной красоты и мощи. И смотрю, пусть даже от света глаза слезятся. Но я упрямо стою, вбираю каждую каплю этого вот…

– …красиво как… – голос раздался будто издалека. Такой нежный, едва различимый. И я замерла.

Снова?

– Красиво, – согласился мужчина, склоняясь над ладонями девушки.

И я выдохнула.

Все-таки как-то это… неудобно подсматривать. Будто я узнаю что-то, чего знать не должна бы, слишком личное, слишком близкое.

А эти двое…

Её я узнала.

Тот, давно умерший Повелитель, и вправду был неплохим художником. Во всяком случае, свою супругу он изобразил весьма и весьма точно. А она красивая. Красивей, чем на том рисунке.

Бледное личико.

Глаза огромные, яркие, что те озера, как бы ни пошло звучало. И устремлены на мужчину. Только в них видится не любовь, а… ожидание?

И снова это ощущение потусторонней жути.

Холодом по хребту.

– Никак не привыкну к этому, – её губы почти не шевелились, а в полупрозрачной оболочке тела клубилась тьма. И странно было, почему мужчина, этот вот опытный мужчина, который лучше меня все знает, не видит тьмы? – Все кажется… кажется, это не по-настоящему… что я снова умираю… и…

И она умерла.

Не тело, душа. Давно уже. А тело осталось. И я это тоже вижу, а он почему-то нет. Хочется крикнуть, предупредить, но в его глазах столько любви, что губы мои склеивает немота.

К тому же это уже случилось.

Давно.

Очень давно.

И я лишь смотрю. На полупрозрачные пальцы, которые касаются щеки мужчины, оставляя на нем едва заметный след тьмы. На его, опьяненного, очарованного. На неё, понимающую, что будет дальше. И… и ей все равно больно.

Но почему?

Если она – тьма, то откуда эта боль?

– Все уже, – он обнимает её, столь бережно и осторожно, будто и сам боится, что она вот-вот истает. – Все уже закончилось…

– Твои братья… они порой так на меня смотрят. И Командор Лассар. Он хочет меня убить.

– Ты ошибаешься.

– Нет, – она покачала головой. – Я это чувствую. Просто… когда ты рядом, он держится. А когда тебя нет… он подходит. Близко так. И смотрит. Смотрит. Только смотрит, но я с ума схожу от его взгляда! Не уезжай!

Она хватается за его руки, будто ищет спасения. И столько отчаяния в хрупкой её фигуре, что даже мне становится жаль её.

– Я умру, если ты уедешь! Они все… они думают, что я должна была остаться там, в горах… они… они…

– Тише.

– И Командор… особенно он. Я знаю, что он тебе говорит! Что я одержима.

Мудрый Лассар.

И надо с ним поговорить. Он должен бы помнить. Такое хрен забудешь. И возможно, то, что сокрыто в его памяти, поможет мне разобраться в происходящем.

– Он ведь говорил?

– Он просто очень древний. И он видел, как рушилась Империя. Это оставляет свой след.

Его пальцы скользят по полупрозрачной щеке.

– Вот и мерещится всякое. А братья поймут. Мы ведь все проверили, правда?

Полувздох-полувсхлип. И я сжимаю кулаки. Мужчины. Самоуверенные. Влюбленные. Бестолковые. Все и сразу. И вновь же, закричать бы, предупредить. Только… он бы не

послушал.

Наверное.

– Они согласились, что в тебе нет тьмы… а Лассар… ему давно пора отдохнуть. На этот раз он слишком уж задержался.

– Он не захочет уходить.

– У него не будет выбора, сердце мое.

Сердце его билось в груди. И я сглотнула, потому что стук его, вдруг ставший громким-громким, вызвал странный голод.

Рот наполнился слюной.

А девушка сглотнула, будто… будто и она тоже? Или это я слышу её голод? Твою ж… точно свихнусь здесь. Спокойно. Дышим.

Стоим.

Смотрим.

Запоминаем. Все запоминаем. Мельчайшие детали. Мятый бархат платья. Двойные рукава с разрезами, сквозь которые выглядывает полупрозрачная ткань. Жемчуга в три нити. Сетка на волосах. И светлые локоны, что ниспадают на лицо. Восходящее солнце подсвечивает их, и складывается ощущение, что вся-то дева окутана светом.

Разве можно заподозрить в ней тьму? Правда, в глаза заглядывать не стоит. И тьма понимает. Прячется. Там, в самой глубине их.

– Но ты… вы… ты ведь вернешься? – снова дрожащий

голос. Она говорит, словно задыхаясь. Отчаяние же выглядит таким до боли настоящим.

– Обязательно, – мужчина вновь склоняется к рукам. – Я вернусь… к тебе… к нашему малышу.

При этих словах её лицо искажается, и я отступаю, ибо столько ненависти, столько ярости в нем, что мороз по коже.

– Мы будем ждать тебя…

…обещание прозвучало слишком уж… многообещающе.

А потом они растаяли.

И ко мне вернулась способность дышать, а заодно уж мыслить здраво. То, что я видела… думай, Жора, думай… не с неё ли все началось?

С этой вот хрупкой красавицы?

Тьма.

Зеркало… что, к слову, стало с тем зеркалом? О нем Ричард говорил, но потом-то? После того, как его предок вернулся в замок?

Его уничтожили?

По логике должны были… не совсем же они двинутые.

– Послушай, – я покусала губы и подумала еще, что надо бы собираться. Причесываться там и вообще себя в порядок приводить, а то ж принцессы.

И Ричард.

– Послушай… – мысль ускользала. – Раньше ведь… до того… они друг с другом не воевали, верно? Ричард рассказывал… братья восстали на отца. И еще один погиб, а вто-

рой ушел. Потом с его собственным отцом тоже не все было ладно, как мне кажется…

Я расхаживала по комнате.

– Я не уверена, но…

Замок заскрипел.

– Не в этом ли дело? Не в ней ли? И… ребенок! Конечно. Она родила. Об этом Ричард сказал. А еще, что ребенка не нашли… и как его искали?

Наверное, весьма настойчиво, как иначе? Влюбленный мужчина, который вернулся и обнаружил, что возлюбленная его свихнулась и сожрала всех, кто был в замке.

Тут и самому крышей поехать недолго…

– Так. Он был не один. Братья… Лассар… или Лассара отправили… куда там их отправляют, когда не нужны?

Стало вдруг тоскливо.

Он ведь живой, на самом-то деле. Лассар. И Ксандр тоже живой. Мертвый, конечно, но все одно живой. Стоп. Этак я и запутаюсь.

Они думают.

И чувствовать способны.

И… что еще? Не важно. Только мнится, что нет ему особой радости пребывать там, куда его отправили. А значит, подло это было.

– Ты должен знать, но… молчишь? Почему?

Вздох.

И скрип.

Скрежет, больше похожий на мучительный стон. Будто кто-то там, внутри, пытается докричаться. А я не понимаю.

– Не понимаю, – я положила обе руки на стену. – Прости, пожалуйста. Я очень постараюсь, но пока… ты не можешь да?

Хлопок двери.

– Вот, уже лучше, – стена под ладонями оказалась теплой, даже горячей. – Ты хороший Замок. И ты защищаешь хозяев. Пытаешься. Но нельзя защитить человека от себя самого. И ты ведь пытался сказать ему, да? Тогда, раньше? И Лассар. Только не послушали… я с ним еще поговорю. Если, конечно, захочет говорить.

Надеюсь, что захочет.

И эту красавицу он должен помнить. А раз уж любви с ней не сложилось, то и защищать не станет. В теории.

– Знаешь… а ведь где-то должна быть книга? Вроде учета?

Книга учета Повелителей Тьмы.

Звучит.

Но начальница моя, дай ей Боженька здоровья, повторяла, что учет – основа основ. Даже повелителей. Только объяснить надо внятно. А то, чувствую, нынешний замок до понимания сей премудрости не дорос.

– Чтоб там перечислялось… не знаю, кто родился. Когда стал Повелителем. И кто у него братья, сестры… или да, сестер, вроде бы как не было. Хорошо. Братья. Что с ними ста-

ло…

Задумчиво заскрипела дверь.

А я пригладила встопорщенные волосы. И вздохнула. Мне бы тоже какого куафера. Хотя бы во временное пользование.

Дверь хлопнула.

И приотворилась.

– Погоди, – я замахала руками. – Сначала умыться, одеться и все такое. А то ведь сам понимаешь, народу тут полно. Встречу еще кого не того. Скандал случится.

Дверь снова хлопнула и закрылась.

– Вот и я о том… как они тебе, к слову? Невесты?

Вода была прохладной, но не сказать, чтобы вовсе ледяной. Самое оно.

Платье лежало на кровати.

– Как ты это делаешь-то? Хотя… извини. Лучше не знать.

Расческа.

И волосы торчат уже не так интенсивно. Но не отпускает ощущение, что все равно я выгляжу не так… не так, как принцессы.

Плевать.

Не мне же замуж. А стало быть легкая лохматость, она только на пользу делу пойдет. Мужчины ведь обращают внимание на такие штуки. Пусть и врут, что важнее всего душа, только смотрят почему-то на размер груди и длину ног.

– Так, – мысли с трудом повернули в нужное русло. – Кто из них тебе нравится?

Молчание.

И как это понимать? Никто не нравится? Или все сгодятся?

– А Ричард? Как думаешь, кто подойдет ему?

На стене возникло зеркало.

– Спасибо, но… – я коснулась резной рамы. Отражение, к слову, было вполне себе симпатичным. И к рогам я привыкла, и красноватый блеск в глазах не слишком пугал. Да и волосы… что я к ним привязалась? Обычные волосы средней лохматости. – Ему принцесса нужна.

Зеркало исчезло.

Вот.

А я еще и не налюбовалась.

Ну и ладно.

Как-нибудь переживу.

Летиция Ладхемская к завтраку готовилась тщательно. Она позволила омыть тело водой, в которую добавили розовое масло и еще каплю особого золотого эликсира. Хотелось бы добавить лепестков, но лепестков в Замке не нашлось.

Дикое место.

Её вытерли.

Умастили драгоценным бальзамом. Облачили в тончайшую сорочку, поверх которой положили другую, из плотной ткани.

На нее уж – корсет из железных полос, чтобы выровнять

фигуру и избавить её от пошлых изгибов. На корсете закрепили фижмы, а уж поверх их – юбки.

– Знаешь, пока ты соберешься, он уже женится, – Ариция с печалью наблюдала за священнодействием.

– На ком? – Летиция приподнялась на цыпочки, пытаясь разглядеть себя. Поверх нижних юбок легло нижнее же платье из переливчатой газейской тафты. И служанки старательно расправляли ткань, не оставляя место складкам. А прочие несли и верхнее платье, из плотного гладкого атласа, который ляжет ровно, придавая фигуре нужное изящество линий.

– На той, которая одевается побыстрее. Вон, виросска с утра, как мне сказали, на ногах.

– Ну и дура, – Летиция подавила зевок.

И нахмурилась.

Спалось на новом месте нехорошо. И вроде бы перины были мягки, пуховые одеяла легки, постели служанки согрели кирпичами, а вот все одно. Не то.

То ли снилось что-то мутное, беспокойное.

То ли предчувствия мучили.

То ли воспоминания вдруг очнулись, те самые, о которых не стоило бы. Касающееся вещей, принцессы недостойных, а потому давным-давно изжитых, похороненных и вообще ненужных. Главное, что теперь раздражало все это вот. Маешься тут, терпишь ради красоты… лица коснулась пуховка и служанка осторожно заметила:

– Волосы отрастают.

Летиция вскинула руку и поморщилась. И вправду отрастают. Пока прощупываются легчайшим пушком и под пудрой, особенно если потолще положить, видно не будет. Но вечером придется брить.

Проклятье.

А могли бы и придумать зелье какое, чтоб ненужные волосы раз и навсегда исчезли.

– Не дура. Это скорее уж ты…

Летиция кинула в сестру туфлей, но та увернулась.

– Госпожа, стойте смирно, а то неровно получится! – возмутилась служанка, прикладывая к щекам круглые камни-румяна. – Замрите.

Летиция послушно замерла.

– Или мы… тебе не показалось, что мы смотримся както… не так?

– Цивилизованно? – поинтересовалась Летиция. Хотя камни прижимались к щекам и говорила она, стараясь не напрягать лицо. Оттого и получилось «филифизованно». Но сестра поняла.

– Скорее уж странно. Вироссцы одеты проще. Островитянка…

– Жуть! – передернуло Летицию, и служанка, наконец, отложила камни и подняла, поднесла зеркало. Получилось идеально. Два розовых круга расцвели на белоснежном полотне лица. Осталось нарисовать губы и глаза. – Я бы умерла, если

бы родилась такой… такой… огромной!

Служанка встала на табурет и взялась за кисточку. Пришлось замереть.

– И степнячка…

Степнячка раздражала, вот истинная правда. Нельзя же на самом деле быть настолько отвратительно хрупкой и нежной.

И эти шелка, в которые она куталась, но они словно бы ничего и не скрывали.

И выглядела она… не как степнячка.

То есть, варварское великолепие имелось с золотом вкупе, но волосы светлые… личико такое, аккуратное на диво. И кожа белая без белил.

Кисточка порхала, создавая образ совершенной красоты.

Нет, степнячка, конечно, хороша… но папенькины фаворитки тоже прелестны. А женат он на маменьке. Почему? Потому что политика. А какая политика может быть со степями?

Летиция это и озвучила.

Когда ей позволили говорить.

– Вижу, ты начинаешь думать, – Ариция подошла к резной шкатулке, где на светлом бархате лежали три дюжины бархатных же мушек. И какую выбрать?

Цветком?

Или пчелой?

Или…

– Вот эту, – Ариция указала на бабочку, крылья которой были украшены крохотными камнями. Пожалуй, и вправду будет неплохо. – Надо спросить, есть ли здесь портной…

А парик Летиция взяла розовый.

Под цвет платья.

И пусть он был не слишком пышен и даже почти неприлично низок, зато в него вплели шелковые розы и незабудки. Смотрелось это по-утреннему свежо.

Пара перышек, тоже окрашенных в розовый.

И золотая пудра.

– Зачем портной? Тебе мало платьев?

Хотя, конечно, платьев много не бывает.

– Кто-то же шьет наряды для демоницы…

Летиция фыркнула, но как-то неуверенно.

– Было бы там, что шить.

– Может, и просто, но ведь… ты видела, как он на нее смотрит?

Видела.

И это раздражало, пожалуй, больше степнячки с виросской принцессой, которая, пусть и одета была не по моде, но держала себя так, словно бы это она, Летиция Ладхемская, прибыла из неизвестной глуши.

Но ладно, виросска.

Демоница…

Сперва, конечно, она впечатления не произвела. Рога? Подумаешь, рога… помнится, в минувшем году папенькина

фаворитка на карнавал явилась в высоченном парике с живыми птицами внутри. И еще поставили горшок с горошком, который парик оплел.

Вот это всех впечатлило.

А рога… так себе украшение. Хотя, может, если вызолотить и камнями украсить? Нет, о чем это она. Вот если у Летиции вдруг отрастут, тогда украшать и возьмется. А демоница пусть сама думает.

Именно.

Про демоницу им еще когда рассказали. И почтенная вдова еще велела выучить три молитвы пресветлым Сестрам, во избежание, стало быть, искушений.

Ну и от сглаза.

От него же повязала красную ленточку на левую щиколотку Летиции.

– И что?

– Может, конечно, и ничего…

– На демоницах не женятся!

– Нормальные люди, может, и не женятся, – Ариция одобрительно кивнула. – Но вот… неспокойно как-то.

Неспокойно.

И к завтраку, который почему-то объявили обедом, хотя вот лично Летиция никогда-то в этакую рань не обедала – только-только полдень наступил – демоница явилась.

В платье.

То есть, оно понятно. Явись она без платья, случился бы

скандал. И дело даже не в самом факте отсутствия и явления, сколько… почему-то именно Летиция Ладхемская почувствовала себя дурой.

А ведь она обладала врожденным вкусом.

И тонкостью натуры.

И в модах разбиралась получше некоторых.

И была изящна, прекрасна, подобна пресветлой Богине, снизошедшей до смертных. Ей об этом не раз говорили. А теперь вот она стояла. Смотрела на демоницу, раздраженно отмечая, что та, пожалуй, неплохо выглядит.

Без пудры.

Платье простое. И облегает… слишком уж облегает. Никакой прямоты и простоты линий, а сплошные изгибы. Те самые, пошлые, от которых должно избавляться во имя высокой моды. Юбка длинная, ниспадает мягкими складками. А из-под юбки хвост выглядывает.

То есть сперва Летиция решила, что ей показалось.

А он выглядывает.

Раз. И другой тоже. Высунулся змейкой с пушистою кисточкой на конце. И исчез. И снова высунулся.

Летиция моргнула.

– У… вас хвост? – вежливо поинтересовалась она, поскольку демоница не думала отступать и в свою очередь разглядывала саму Летицию.

Придирчиво так.

– Хвост, – согласилась та и в свою очередь спросила. – А

вы лоб бреете?

– Для красоты, – почему-то Летиция ощутила, что краснеет. Благо, под слоем пудры этого не было заметно.

– Чего только люди для красоты не делают, – протянула демоница задумчиво.

И вздохнула.

Летиция тоже вздохнула.

Корсет давил на ребра и на грудь, которая была слишком велика, а потому, чтобы выпрямить линию приходилось утягивать её совсем уж плотно.

Фижмы были тяжелы.

Платье и того тяжелее. От пудры зудела кожа. Под париком парило.

– Это да, – раздался до отвращения бодрый голос. – Вот помнится у нас одна девка к щекам жаб прикладывала.

– Зачем? – Летиция с неудовольствием поглядела на тощую особу, чье лицо было столь отвратительно, что не понятно было, как ей с этим вот лицом, сплошь изрытым оспинами, вовсе удалось войти в свиту цесаревны.

Дикие они люди.

Не понимают, что тонким натурам следует окружать себя прекрасным.

– Так для красоты же ж! Всем ведомо, что жабья слизь самое верное средство супротив морщин, – девица потянулась. – Ну да белила тоже хорошо. Рожу поплотней намазал и не видно, есть ли там морщины или другого чего.

– Нет там морщин! – взвизгнула Летиция, испытывая острое желание огреть сию наглую особу по голове.

– Да? – девка нахмурилась. – А так-то и не скажешь. Морда-то ладно намалевана. Аки на портрете!

И произнеся сие, повернулась задом.

Только сила воли удержала Летицию от того, чтобы не отвесить наглой девке пинка. Ну и наличие свидетелей. Почему-то подумалось, что пинающаяся принцесса – это не совсем то, что добавит Ладхему политического веса.

Глава 3
Где идет завтрак или даже обед и ведутся о пользе прогресса

«И нет хуже женщины, излишне увлеченной делом пустым, ибо тогда, в увлечении своем, слабость исконную женской натуры проявляя, забывает она и о доме, и о супруге, коий страдает премного, вынужденный влачить голодное существование, прозябая в тоске и неустроенности».

Трактат о дурных женских привычках, которые многие беды способны вызвать и брак разрушить, писанный достопочтенным магистром Нинусом на примере собственной неудачной жизни.

Ричард смотрел на потенциальных невест. Они смотрели на Ричарда. И как-то от этого становилось до крайности неуютненько.

Ведь смотрели выжидающе.

И появлялось нехорошее ощущение, будто он совершил огромную ошибку. Будто взял и ненароком пообещал всем этим девицам что-то, чего не сможет исполнить при всем своем желании. Он поерзал и покосился на сидевшего рядом Ксандра. Тот тоже был отчего-то мрачен и даже как-то… поблек, что ли?

Такое вот появилось ощущение легкой неправильности.

Сидит, в тарелку уставился. Вилку серебряную в руке крутит, ничего-то не замечая.

– Простите, – раздался звонкий голос Арции Ладхемской.

Она, в отличие от старшей сестры, облачилась в платье цвета молодой зелени. И парик выбрала желтый, кудряшками. Из кудряшек этих выглядывали перышки, а на самой макушке застряла крохотная шляпка в виде кораблика.

Наверное, это было красиво, но Ричард не мог отделаться от мысли, что кораблику в волосах грустно. Его бы вытащить и на волю.

…весенний ручей пробивался сквозь снежное покрывало. Темная вода летела по камням, спеша добраться до узкой трещины, а там, по ней, и к реке. Весной горные реки становятся злыми. Они вбирают в себя талые снега, и гремят, грохочут, тревожат скалы.

Страшно.

Но отец смеется. И Ричард делает шаг. Камни скользкие, покрытые не растаявшей еще наледью. Кораблик в руках. Легкий. Сделанный из щепок и обрезка ткани. Вода подхватывает его не сразу. Она осторожно пробует, касается темного борта, толкает в него, неловко так, будто смущаясь. И в конце концов, решившись разом, вдруг подсовывает ледяную лапу, поднимает на волну.

– Плывет! – Ричарду так радостно, что от этой радости он

хлопает в ладоши. Смеется. И поскальзывается.

Он бы упал, в ручей или на камне, но сильные руки подхватили.

Удержали.

Подбросили.

– Конечно, плывет, – голос отца рокочет, как тот старый водопад, к которому они ходили зимой. – Отчего б ему не плыть.

И они стоят.

Смотрят.

Ричард моргнул, избавляясь от наваждения.

– …значит, вы действительно мертвый? Полностью? Совершенно? – ладхемская принцесса даже привстала, то ли чтобы лучше видеть, то ли чтобы её саму было слышно.

– Ухо живое.

– Ухо?

– Левое, – Ксандр потрогал это самое ухо, в котором поблескивал огненный топаз. – Или правое. Простите, позабыл за давностью лет.

– Шутите, – догадалась принцесса.

– Пытаюсь.

– Извините мою сестру, – протянула вторая, которая ныне была тоже в кучеряшках, но розовых. К счастью, без кораблика.

Зато с цветами, что выглядывали из парика то тут, то там.

Интересно, а если парик снять, волосы под ним будут?

Свои? И если будут, то какие они? Короткие? А может, они вовсе головы бреют?

Мысль смутила.

Какое, собственно говоря, Ричарду дело. Но теперь почему-то, глядя на ладхемских принцесс, он не мог отделаться от мысли, что на лысину парик крепить проще. И… и вдруг они не потому лысые, что удобнее так? А наоборот?

Вдруг они просто лысые? А парики уже придумали, чтобы скрыть это?

И тогда… тогда зачем ему лысая жена?

А еще дети тоже лысыми могут быть.

И конечно, не сказать, чтобы это как-то повлияло на все остальное, в конце концов, местная нежить излишним эстетизмом не страдает, но… как-то оно не то, что ли.

– Если вы совсем мертвый, то зачем вам еда?

– За компанию, – ответил Ксандр, нисколько не смутившись. – Меня в свое время учили, что крайне невежливо смущать гостей отсутствием аппетита.

– А… – потянула Летиция.

Ариция же выставила вилку вперед:

– Ученые считают, что существование мертвой материи невозможно.

– Да ну?

– Именно. Вы ходите. Говорите. Думаете, надеюсь.

– Иногда. По праздникам.

– Не важно, некоторые и того не могут, – отмахнулась

принцесса. – Вы потребляете пищу. Следовательно, вы живы.

– Нет.

– Но ученые…

– Привозите их сюда, – Ксандр одарил принцессу очаровательной улыбкой. Блеснули клыки и кто-то из сидевших за столом икнул, только не Ариция Ладхемская.

– Всех? – уточнила она.

– Можно начать с избранных. А там уж как пойдет.

– Пожалуй… а вы… дадите себя исследовать? Знаете, это было бы уникальным опытом… и помогло бы окончательно разрешить спор между Храмом и наукой.

Ксандр прикрыл глаза.

– Вряд ли, – прозвучал тихий голос Светозарного.

– Но почему?

– Иные вещи непознаваемы.

– Это вы просто познавать не желаете! – возмутилась Ариция Ладхемская.

Светозарный ответил мягкою улыбкой.

– Если подойти ко всему не просто так, а продуманно, то все можно познать. Вот к примеру, как мертвая материя может быть одновременно живой?

Ксандр закатил очи.

– Вспоминаю, – тихо пробормотал он. – Почему я старался пореже бывать дома. Когда еще был жив.

– Почему? – столь же тихо уточнил Ричард. А Светозар-

ный чуть склонил голову, похоже, и ему было любопытно.

– Моя супруга… пусть покоиться с миром… у нее был похожий характер. Никогда-то не умела признать свою неправоту.

– Может, потому что была права? – Летиция Ладхемская, лысая она там или нет, слухом обладала тонким. – Почему мужчины так не хотят признавать, что женщина права?

– Потому что иногда она бывает не права, – возразила островитянка.

Мягко.

Словно извиняясь, хотя не понять, за что.

– В чем?

– Он мертвый, – огромная рука махнула в сторону Ксандра. – И живой. Ибо древняя сила наполнила плоть. Он разумен, ибо смерть его была таковой, что душа не отделилась от тела.

Ксандр закашлялся.

И это не осталось без внимания.

– Он болеет! – возразила Ариция Ладхемская, которая категорически не желала отступать от своего. – И как понять, наступила ли смерть?

– Наступила! – рявкнул Ксандр.

– А вы откуда знаете?

– Прочувствовал!

– Ваши ощущения глубоко субъективны, а наука должна оперировать объективными фактами, – возразили ему.

– У меня сердце не бьется!

– Да? – она слегка нахмурилась. – А вы уверены?

– Проверьте.

Ариция встала и весьма решительно направилась к Ксандру. Она подняла голову, и шляпка-кораблик в кучеряшках волос опасно накренилась. Показалось даже, что еще немного и вывалится.

Кораблика было жаль.

– Очень… серьезная женщина, – тихо произнес Светозарный. – Берегитесь.

– Чего?

– Если она решит выйти за вас замуж, вам будет сложно ей отказать.

От девы пахло розами, и лилиями, и еще какими-то цветами. Вблизи её лицо, покрытое толстым слоем белил и пудры, казалось маской, причем довольно уродливой. Щеки горели алыми пятнами, а подведенные темной тушью глаза казались слишком уж страшными.

И…

Ксандр протянул руку. И Ариция Ладхемская взялась за нее. Двумя пальчиками.

За столом воцарилась тишина.

– Надо же… действительно… пульса нет. Но это еще ничего не доказывает!

– Да?

– Сердцебиение может быть столь слабым, что обычным

способом его не услышишь. Я читала, что науке известны случаи, когда пациентов, впавших в глубокий сон, принимали за умерших. Это приводило ко всякого рода… недопониманиям. Вполне возможно…

– Я не сплю.

– Да погодите вы, – она махнула рукой, и кружево качнулось перед самым носом Ксандра. – Сейчас вы не спите, но вот… возможно то, что считается смертью, на самом деле лишь свидетельство глубокой перестройки организма под воздействием внешней энергии.

Она чуть прикусила губу.

Губы были красными. Слишком уж красными для белого лица. И это тоже пугало. Интересно, если Ричард попросит принцесс умыться и снять парики, это будет считаться неприличным?

А если будет, то насколько?

– Ваши жизненные процессы замедлились до крайности, что и позволило вам просуществовать столь длительное время. Конечно, вскрытие могло бы дать более точные ответы.

– Я не хочу, чтобы меня вскрывали.

– Наука требует жертв!

– Пожертвуйте ей кого-нибудь другого!

– Кого? – кажется, принцесса отнеслась к предложению весьма серьезно.

– Себя!

– Я живая.

– Это временно. Умрете, вот тогда пусть и исследуют.

– Между прочим, ваше непонятное упрямство вредит прогрессу. К слову, если вы мертвый, то вскрытие вам не повредит.

– Знаете, я прямо-таки почувствовал, как оживаю. Особенно ухо. Правое.

– Вы же говорили, что левое.

– И левое тоже, – Ксандр развернул чересчур уж прогрессивную принцессу. – Поэтому вы правы. Я только что понял, что был жив и буду… надеюсь. Как-нибудь.

– Вот видите, – сказала Летиция Ладхемская с упреком. – И ничего-то нет страшного в том, чтобы признать женскую правоту. Кстати, мне сказали, что здесь имеется сад. А погода стоит отличная. И можно устроить музыкальный вечер на открытом воздухе.

– Соглашайся, – Ксандр толкнул Ричарда в бок. – Лучше уж музыкальный вечер, чем вскрытие… а то с них станется… на открытом воздухе.

– Я прекрасно музицирую! – Летиция оглядела всех с видом победительницы. – На трех инструментах.

– Сразу? – серебряный голосок Теттенике был слышен везде.

– Поочередно… но если с сестрой… мы можем на всех разучить небольшую пиесу, если, конечно, это не слишком сложно для вас…

Её поспешили заверить, что ничуть.

– …для нашего дорогого хозяина, который заслуживает самого лучшего.

Ричард посмотрел на потолок.

На стену.

На полотно, которое завесили шелковой тканью, чтобы не портить дамам, с местным творчеством незнакомым, аппетит. А теперь ткань взяла и тихонько съехала. С правого угла. К счастью, никто из девиц, увлеченно обсуждавших грядущий вечер и особенности музыкальных инструментов, на эту мелочь внимания не обратил.

– …и я вам говорю…

– А я играть не умею, – произнесла демоница печально.

– Счастье-то какое, – сказал Ксандр.

И даже, кажется, без издевки.

А полотно еще немного опустилось, намекая, что обед несколько затянулся. И надо бы завершать. Только Ричард успел подумать, как шелковое покрывало шевельнулось, а после и вовсе съехало, обнажая бессмертное творение безумного мастера.

Тихо икнула Летиция Ладхемская.

Заворчала островитянка.

Покачнулся хрупкий цветок степей. Ариция же, привстав, осведомилась:

– Какая на удивление подробная работа! Просто чудо! Значит, вот он каким был… если, конечно, был.

Тихий стон Ксандра слышал, кажется, лишь Ричард.

Икнула Летиция, прикрыв глаза, потом взмахнула руками:

– Ах, мне дурно…

– Это от того, что едитя мало, – заметила рябая девица, разглядывая стену с превеликим интересом. – Оттого и случается… всякое.

Она облизала ложку.

– Даме благородной следует проявлять умеренность, – заявила пухлая женщина, которая сидела рядом с ладхемскими принцессами. И с решительным видом отодвинула третье пирожное, правда, проводив его печальным взглядом. – Ибо потакать телесным слабостям значит развращать душу. Мир полон искушений. И только человек, готовый преступить через страсти земные, познает…

– Вот, значит, как это было, – Светозарный поднялся. А с ним и островитянка, и человек в мятом камзоле, который выделялся средь свиты какой-то слишком уж бросающейся в глаза неказистостью.

– Боюсь, точно сказать, как это было, невозможно, – вынужден был признать Ричард. – Это… создали много позже.

– Ужас ужасный, – Летиция ладхемская старательно обмахивалась веером. – И аппетит портит.

– Зато умеренность проявлять легче, – не согласилась рябая девица, вытирая пальцы о платье. – Вот глянешь и сразу осознаешь, что надо скромнее быть. А то же ж… восстанет.

– В нашей библиотеке, – заговорил человечек в мятом

камзоле, этот камзол одергивая. Он подошел почти вплотную к барельефу. – Сохранились лишь некоторые упоминания. Да и то достоверность их весьма… сомнительна. Знаю, что весьма многие ученые мужи склоняются к тому, чтобы признать падение Империи следствием великих природных бедствий. А демоны… в демонов, уж извините, мало кто верит.

И почему-то поглядел на демоницу.

И так поглядел, что Ричарду донельзя захотелось отвесить наглецу затрещину. Желание было острым и совершенно неподобающим.

Но чего он смотрит?

И так… внимательно? И главное, с интересом, причем не только научным. А… в общем, желание росло.

Глава 4
О вере в сверхъестественное и прихотях памяти человеческой

«В гостиницу «Белый лебедь» требуется ввиду начала сезона разная прислуга, в особенности горничные. Прислуга безусловно должна быть опрятная и трезвая»
«Ладхемские новости», раздел «Объявления»

– Совсем не верят? – уточнила рябая виросска, старательно пережевывая кусок ветчины. На вилке перед носом её висел еще один, а взгляд девицы был устремлен вовсе не на Ричарда, потенциального супруга, но на тарелку, где оставалась еще ветчина.

– Скажем так, многие склоняются, что во времена прежние люди обладали куда более примитивным разумом, а потому неверно толковали всякого рода естественные проявления силы, – гость произнес это и покраснел.

Густо.

– Но вон же ж… демоница, – девица махнула в мою сторону вилкой, и ветчина сорвалась, но упасть ей не позволили. Кусок был пойман и отправлен в рот. Она и пальцы облизала. – Сидит. Мается.

– Почему мается? – поинтересовалась степнячка, тоже на

меня поглядев. Осторожненько так, словно стесняясь собственного любопытства.

– Тварям бездны, – возвестила круглощекая дуэнья, – немочно в мире людей, особенно, когда в одном месте собираются люди благочестивые.

И подбородки задрала.

Все три.

Отчего на меня сразу благочестивостью повеяло.

– И вообще, – Ариция Ладхемская отвлеклась от барельефа, чтобы одарить меня ревнивым взглядом. – Может, она не демоница даже.

– А кто? – удивилась островитянка.

И тоже поглядела.

Недружелюбненько так. Будто примериваясь, как меня секирой приложить, чтоб наверняка.

– Не знаю, – принцесса пожала плечами. – Как понять, демоница она или нет?

– У нее рога, между прочим, – заметила старшая ладхемка.

– Может, приклеенные…

– Трогать не дам, – предупредила я на всякий случай. И когти выпустила. А то ишь, освоились. Сперва потрогать дай, потом поскрести. Опомнится не успеешь, как вовсе отпилят. А я к ним, между прочим, привыкнуть успела.

– Но даже если и настоящие, – ладхемка не собиралась сдаваться. – Это еще ничего не значит! Может… может, она

много скорлупы яичной ела.

– А от этого рога растут? – степнячка распахнула и без того огромные глаза.

– Наш целитель утверждал, что скорлупа яичная очень полезна для волос и ногтей. Некоторые дамы принимают порошок с нею. И еще с толчеными ракушками, – снисходительно пояснила Ариция. – Но вот возможно, что если слишком уж увлечься, то происходит… всякое.

– По-моему, – осторожно заметила виросская красавица, до того державшаяся словно бы в стороне. – Крайне невежливо обсуждать кого-то в его или её присутствии.

Именно.

– Даже демона.

– Это еще доказать надо… – не отступилась ладхемка.

– Тем более. Не имеет значения, демон или нет, это… нехорошо, – она явно собиралась сказать что-то иное, но в последний момент передумала. – Что же касается прочего, то… у нас не столь древние библиотеки, однако в храмах помнят темные времена, когда земля рыдала огненными слезами и исторгала мертвецов. А те, поднимаясь из могил, несли смерть и разрушения.

Она поднялась и подошла к полотну, которое разглядывала внимательно.

И не только она.

Мрачно гладила толстенную косу островитянка. Перебирала круглые бусины дочь степей, и пусть на лице её засты-

ла маска безмятежности, я все одно ощущала скрытую внутри тревогу. Неестественно алыми губами улыбались ладхемские принцессы, вновь же похожие друг на друга, что близнецы. Но это из-за косметики. Я понимаю, что красота – страшная сила, но иная чересчур уж страшна.

– Это было давно, – голос Ричарда разрушил такую тяжелую неудобную тишину. – Очень давно. Но мы помним.

Он коснулся ладонью груди.

А я… я встала.

И подошла.

Не знаю, зачем. Это… это неправильно и глупо. И вообще о другом думать надо. Но мне показалось, что мое место здесь, за его плечом. И Ксандр отвернулся, скрывая выражение лица. А Светозарный слегка нахмурился. Кажется, по долгу службы, к демонам он относился без симпатии.

Плевать.

И на него.

И на девиц. Смотрят тут. Ричард ведь не привык, чтобы на него смотрели. Столько людей и разом. Это… это действует на нервы. Я осторожно коснулась руки, и Ричард посмотрел, как показалось, с благодарностью.

– Тьма еще там. В сердце города. И Младший бог спит. Сон его будет длиться, пока сильна старая кровь, – это он уже произнес куда спокойней. – Но она не способна связать всю тьму.

Снова тихо.

И слышно, как ровно, спокойно, бьется его сердце. Мое стучит нервно. Я тоже не люблю, когда на меня смотрят. Особенно так, скептически. И… ревниво?

Смешно. Ревновать и ко мне?

– Есть предсказание. Пророчество, если хотите, – заговорил Светозарный отводя взгляд. Только угол рта его дернулся. – Сделано оно было много сотен лет тому, юной девицей, на которую снизошла благодать.

Сочувствую.

Девице. С благодатью не всякий справиться способен.

– Она была чиста и принадлежала знатному роду…

– Вы говорите о Кессарии Благословенной? – уточнил тот, в камзоле. Надо будет имена выписать, на бумажку. И выучить. Или хотя бы бумажку с собой таскать, а то неудобно как-то.

– О ней.

– У нас многие спорят, была ли она и вправду благословенна… храмы… храмы не считают её святой.

– Может быть, – не стал спорить Светозарный. – Ей было пятнадцать, когда она покинула отчий дом, чтобы основать обитель-прибежище…

– Говорят, потому что отец её отличался крайне жестоким нравом, – уточнил тот, в камзоле. И смутился. – Извините. Дурная привычка.

– Ничего. Он и вправду был очень жесток. Тогда еще вольный владетель, хозяин земель… – Светозарный слегка за-

пнулся. – Он пролил много крови. И был проклят. Так говорят. На самом деле я понимаю, что мы ничего не знаем о временах минулых. И о ней тоже. Если он был и вправду так жесток, то как позволил дочери уйти? Кто выстроил ей дом? Тот, из темного камня? Он ведь по сей день стоит. Кто привез цветы и птиц, которые живут и растут лишь там и нигде кроме?

Сложные вопросы.

Неудобные.

– Возможно, это не так и важно, но… – Светозарный протянул руку. – Она принимала людей. Всех. Одним помогала, другим отказывала. Слава о ней пошла по миру…

Что-то не завидую я этой самой Кессарии. Слава – штука такая.

Опасная.

– Говорят, что многие желали получить её себе. И отправляли… кто людей, кто войско целое. Однако благословение Светлых Сестер было сильнее коварства людского. Или войска.

– Мой прапрапрапрапрадед, – заговорила островитянка. – Однажды отправился в вихольд, чтобы снискать славу и жену. Он прослышал о деве, чьи волосы были из золота, а кожа бела, как снег в горах. О силе её и мудрости, а еще о том, что доступны ей и минулое, и грядущее. Он взял дюжину братьев, кровью связанных. И еще мужчин, каковые были сильны и желали храбростью снискать милость богов.

– И что дальше?

– Они отошли в день, когда из вод поднялось красное солнце. И долго шли туда, в земли, где море убирается в синие одежды и не ведает льда на водах своих.

– Этак мы до утра слушать будем, – проворчала Летиция Ладхемская, но кажется, кроме меня, её никто не услышал.

– И море открылось им. Привело к острову. Он написал, что не было во всем мире острова зеленее. Что там росли диковинные цветы и меж ними порхали диковинные же птахи, столь крохотные, с комара. Врал, наверное…

– На южных землях такие имеются, – тихо произнес человек в мятом камзоле. – Не с комара, конечно, но с крупного шмеля будут. Они питаются цветочным нектаром.

– Да? Стало быть, не врал. Тот остров окружали воды, но когда корабли приблизились к нему, море взъярилось, и подняло волны столь великие, что корабли были на них подобны щепкам в руках детей. Обнажилось дно морское. И с него восстали чудовища превеликие.

Тогда-то, чувствуется, славный викинг, как бы это выразиться, осознал, что был немного не прав.

– И позабывши о гордости, он встал на колени, и молил пощадить братьев его по крови и тех, кто пришел следом, обещая, что сам останется служить, богам ли или же той, которая была ими избрана. И море вняло. Оно успокоилось, и корабли прошли к острову.

– Это описано. Чудо смирения варваров, – заметил Све-

тозарный.

– Сам ты варвар, – прогудел заросший черным волосом викинг и весьма выразительно погладил топор. Вот интересно, с топором к обеду, это норма этикета или уже нет?

– Она явила себя им. И говорила с моим предком. И желала ему удачи, а еще подарила деву с волосами золотыми и кожей белой, словно снег, сказав, что вот она, которую должно беречь и почитать. И пусть сокрыто было для этой девы предначертанное, но никто и никогда бы не упрекнул Бруннара Свирепого в том, что дурно обходился он со своей женой, Кримхильд Златокосой.

– Если в-верить хроникам, – человек в камзоле погрозил варвару пальцем и тот убрал руку с топора, даже, как мне почудилось, слегка смутился. – У Кессарии имелись сестры…

– Одна из которых стала женой князя Вессарского, Иннора…

– Иннора Великого, – поправила Летиция.

И парик тоже. Съехал он немного. Самую малость. А вот от поправки тоже съехал, но уже на другую сторону, отчего вид у прекрасной принцессы стал несколько разбойничий.

– Первого государя Ладхемского…

– А другая, – продолжил Светозарный. – Вышла замуж в страну снегов, где и кровью своей благословенной принесла весну в край вечных морозов.

– У Иоганна Благостного была супруга из далеких краев, – Мудрослава чуть склонила голову. – Интересно… получает-

ся.

Очень интересно.

И выходит… а что, собственно говоря, выходит?

– Все просто, – прогромыхал знакомый голос. И все обернулись. А рябая девица и рот разинула да так, что я заволновалась: как бы она челюсть не вывихнула ненароком-то.

Командор Лассар, конечно, на людей неподготовленных впечатление производил.

И ладхемцы в алых мундирах поспешили вытянуться, островитяне вновь к топорам потянулись, а старший из числа степняков руку на плеть положил.

Нет, надо с этим что-то да делать, в смысле, с местною дурною привычкой являться к обеду во всеоружии. Этак ведь недолго поубивать друг друга.

А оно нам надо?

Оно нам не надо. Вот совершенно.

– Спокойно! – как-то голос мой прозвучал вот совершенно неспокойно. Нервно даже прозвучал, да. – Это всего-навсего Командор Лассар…

…лягушонка, мать его. В коробчонке.

Командор соизволил изобразить поклон.

– Воплощение тьмы… – пробормотал Светозарный каким-то вот таким нехорошим тоном, который будил в моей душе подозрения, что поздновато я спохватилась.

При входе надо было изымать оружие.

И столовые ножи.

И вилки убрать. Так, на всякий случай.

– Проклятое творение некроманта… – Светозарный выступил вперед и плечи расправил. И главное вид у него сделался донельзя героическим.

Принцессы оказались за широкою спиной.

– Это…

Я удержала Ричарда.

Что-то подсказывало, что угрозы Светозарный не представляет, да и справится с ним Лассар. Тот и хмыкнул. И голову набок склонил.

То есть шлем склонился.

Тьма в нем качнулась, заклубилась.

Летиция Ладхемская охнула и поспешно замахала веером.

– А он тоже мертвый? – уточнила Ариция Ладхемская, сделав попытку вылезть вперед, но была остановлена рукой Светозарного. Тот разом сделался вроде как выше, шире и желанием защитить всех да вся от него за версту разило. Как и благочестием.

Даже вон нос зачесался.

– Мертвый, мертвый, – Лассар спорить с девицей не стал. – А что до этой вашей… так просто все. Отсюда она. И не сестры то были, а правнучки.

– Я… вызываю тебя на бой! – прозвучал не слишком уверенный голос Светозарного.

– Обойдешься, – Лассар отмахнулся. – Не дорос ты еще

со мною биться.

Рыцарь света и благородный паладин моргнул.

Наверное, этакого он не ожидал. Он оглянулся на Ричарда и в глазах его читался вопрос и даже возмущение. Я развела руками: что поделаешь, жизнь, она такая.

– Это… это не честно!

– Зато удобно, – Лассар взял со стола виноградину. – Если бы ты знал, мальчик, как я устал биться со всякими там…

– Я не всякий!

– Это ты так думаешь. Я вон… еще первые пару сотен лет, так тихо было. Спокойно. Нежить одна. А потом понеслось. Каждый год какой-нибудь придурок да явится с фантазией больной. Повергнуть меня… и главное, сперва-то еще пытался вразумлять, говорить… так нет… напрямую не выходило, так начали, то какой-то трухи в саркофаг напихают.

– Это были мощи, – зачем-то пояснил Ксандр, который до того стоял тихо. – В хрониках указано. Мощи святой Агнелии.

– Вот… никакого сочувствия к бедной женщине. И у меня потом почесуха. То артефакт кинут, то голову чью-то, небось, тоже несчастного святого, то еще какую пакость… успокойтесь уже. Глянешь, вроде и взрослые люди, а ведете себя, что дети…

Стало тихо так.

Неудобно.

Светозарный покраснел.

Плотно так. С гарантией. Принцессы поспешно отвернулись, делая вид, что очень уж их живопись местная заинтересовала. Викинги и те, кажется, смутились. Правда, не понять, с чего.

– Погодите, – и в этой тишине голос человека, что держался подле островитянки, прозвучал донельзя звонко. – Так вы утверждаете, что та женщина…

– Последняя дева из рода Архаг. И не Кессария её звали. Кессери-ан-ора Архаг, дочь Ричарда Архаг…

Стало еще тише.

– Но это… простите… это… – человек прикусил губу. – Это же все меняет!

Глава 5
Повествующая о тайнах минулого

И изрекла дева так: «Прильни же к персям моим, облобызай уста мои, слаще которых нет, назови меня своею женой, и тогда открою я тайну великую, коию храню уж многие годы». Но отказался мудрец, ибо прозрел истинный лик демоницы. Извлек он меч и поразил отродье тьмы!
«Нравоучительное повествования о славных деяниях воинов Света, кои, не щадя живота своего, берегли мир от всяких напастей, писанное отшельником Савутием по разумению его».

– Она появилась на свет в год, когда великий город пожрала тьма, и с ним – сильнейших из сильнейших. В год, когда мы вынуждены были заплатить кровью и жизнью за все-то, сотворенное, во благо ли оно было сотворено или во вред, – Лассар поднял на ладони красный камень. Откуда взял?

Ричард не видел.

Камня так точно.

Он был невелик, чуть больше перепелиного яйца, но горел ровным ярким светом. И казалось, даже солнечный свет сделался тусклее.

Погасли драгоценности принцесс.

И появилось огромное желание – коснуться этого вот ог-

ня. Он должен принадлежать Ричарду! И только ему! Желание было столь сильным, что он почти решился шагнуть.

Потребовать.

Но чьи-то пальцы опустились на руку. И наваждение схлынуло.

– Это не может быть правдой, – Светозарный упрямо мотнул головой. И подумалось, что все-таки, наверное, зря его Ричард приглашал.

Вызов этот неудачный.

И насмешка.

Проигрыш паладин принял бы, как и смерть, а вот сумеет ли простить отказ от боя? И насмешку? Стоит. Смотрит. Желваки ходят. И в глазах обида. Хотя вот зря. Лассар, он… его и демон одолеть не сумел, что уж о человеке говорить.

Сам Ричард точно не рискнул бы вызывать.

– Я еще был живым человеком. Я помню это дитя с волосами белыми, что лебединый пух. Она росла… она была нашей надеждой, и каждый, кому случилось уцелеть, боялся, что однажды не сумеет эту надежду защитить. И дарил ей силу, – голос Лассара звучал глуше обычного. – Мы, те, кто еще недавно тряслись над каждою крупицей, жизни свои тратили на преумножение этой силы, могущества, теперь готовы были отдать всю, до капли, лишь бы уцелело это дитя.

– Почему? – и вновь голос человека в камзоле прозвучал слишком уж громко.

Неуместно.

– Почему… – протянул Командор, одарив человека взглядом. От взгляда этого и у Ричарда руки цепенели. А человек, вот странность, выдержал. Спокойно так, с интересом даже. – Ричард был младшим сыном. Не самым способным, не самым сильным. Оттого и сослали его подальше от столицы. В ином разе ему бы до конца жизни владеть старым замком на окраине. И да, море там было… он отправился в столицу на свадьбу брата. Как он думал.

…только свадьба эта, должная стать кровавой, такою и стала. Правда, в жертву принесли вовсе не демоницу.

Демон ухмыльнулся с барельефа.

И наверное, почувствовал это не только Ричард, если девушки отступили. Все и разом. Пахнуло тьмой. И Светозарный обернулся, застыл, вперившись взглядом в белоснежную резьбу.

– Мы сражались бок о бок. А еще он сотворил меня, – Лассар поднял руку, и пламя алого камня отразилось в темных пластинах доспеха. – Когда стало понятно, что земной мой путь завершен. Бедный мальчик.

– Некромант, – резко бросил Светозарный.

– Думаешь, у него был выбор? Ты вот решил и стал паладином. Благородным рыцарем. Защитником сирых и убогих, спасителем, одолетелем…

– Почему-то мне кажется, что вы надо мной издеваетесь, – проворчал Светозарный. – Артан.

– Лассар, – Командор склонил голову. – Будь проще. Чув-

ство юмора – вещь полезная. Особенно, когда тебя в вечности заперли. У него не было выбора. И у меня. Точнее мы могли бы умереть с честью, уйти, оставив вас разгребать последствия. Да вы присаживайтесь, прекрасные девы. Давненько уж мне не случалось бывать в обществе, столь великолепном.

Он умел быть любезным, оказывается.

И девы зарделись.

Переглянулись.

Ариция Ладхемская даже сумела удержаться от очередного неуместного вопроса. Хотя видно было, что принцессу снедает любопытство.

– Самые первые годы тьма бушевала. Не было ни дня, ни ночи, лишь бесконечная темная буря за стенами замка. Ярость мира, чье равновесие было нарушено. И здесь, в Замке, что стал единственным нашим убежищем, появилась на свет она. Наше солнце. Глядя на нее, мы вновь вспоминали, что есть жизнь. Что такое эта жизнь. И… ребенку было плохо. Она была такая слабенькая, такая крохотная… – Лассар замолчал. – И мы делились силой, ибо не представляли, что будет с нами, если её не станет. Тьма ведь страшна не та, которая снаружи, за стенами замка. Опасна та, что живет внутри у каждого.

– Это… совсем не то, что пишут в хрониках, – на щеках Артана полыхали красные пятна. Но держался он спокойно, со сдержанным достоинством.

– Можно подумать, в них когда-то что-то толковое писали, – отмахнулся Лассар и стул отодвинул. – Присаживайтесь, солнцеликие. Удостойте меня великой чести разделить с вами трапезу.

Первой на место вернулась Мудрослава Виросская, рядом плюхнулась её родственница, которая приобрела несвойственно задумчивый вид. И молчание её пугало, намекая, что в голове этой бродят какие-то совсем уж загадочные мысли.

И во что они выродятся?

– И не знаю, виной ли тому стала сила наша, которой было слишком много, или Замок, или сам мир, чьи границы истончились. Но она выросла совершенно особой. Никто и никогда прежде не обладал даром столь ярким. Ей были подвластны силы и земли, и вод, и неба.

– Тогда почему она их не использовала?!

Летиция Ладхемская поглядела на Светозарного с упреком, но тот, кажется, не заметил.

– Если она была столь сильна, то почему… почему она не изгнала тьму? Почему не освободила земли? Почему… – Артан не спешил садиться.

– Сильна, но не всесильна. Она сделала главное: закрепила печати, что удерживают того, кого вы называете Младшим богом. Она разорвала связь его с нижним миром. И заперла город, отравленный тьмой. Она дала шанс нам всем.

Теперь этот голос гремел, заполняя зал.

– Но она же и сказала, что в час, когда кровь Архаг почти иссякнет, мир встанет на краю нового испытания.

Под ложечкой засосало. Так… выразительно. С намеком.

И еще взгляд этот, в котором теперь мерещится откровенная насмешка.

– Она сказала, что шанс будет… что она сделает все, дабы он был.

Принцессы переглядывались. Неуверенно. С удивлением. С растерянностью. С нежеланием… верить? Да и как вовсе поверить в такое-то?

– Нет, – помотала головой Летиция Ладхемская. – Вы же не хотите сказать, что вот мы… мы все тут…

– Родичи? – Брунгильда нахмурилась.

– Она ушла. Последняя, кого Замок отпустил. И само это место. Она не хотела уходить. И сказала напоследок, что однажды я еще увижу тех, в ком есть её кровь, – Лассар откинулся на спинку стула и тот затрещал, намекая, что не создан для этаких упражнений. – И права оказалась.

– То есть… все-таки… мы тут… все… – Ариция Ладхемская запиналась на каждом слове. – В самом деле родственники?

– Дальние, – поспешила успокоить её Мудрослава Виросская. – Очень и очень дальние.

– Все равно охренеть, – выдала рябая девица.

И в кои-то веки все с нею согласились.

Цветок старуха держала в руках. Она сидела, скрестивши ноги, разложив вокруг птичьи кости, камушки и прядку волос, заплетенную в косицу. Сидела и баюкала цветок.

– Отдай, – сказала Теттенике, вдруг поняв, что здесь она старухи не боится.

Совершенно.

Старуха подняла глаза и протянула руку, чтобы ущипнуть Теттенике. А та взяла и ударила по этой руке. Впервые. И запоздало обожгло страхом, что вот сейчас последует наказание. А потом пришло понимание: некому наказывать.

– Тварь! – зарычала старуха, вскидываясь на ноги. И зазвенели бубенцы в седых космах её. Заговорили, запричитали на разные голоса.

Глаза её сделались страшны.

И сама-то она…

Аххy, благословенные, они никого не пугают. Напротив, люди сами к ним тянутся, силу чуя, пытаясь коснуться её хоть бы краешком. А тут… тут изрезанное морщинами лицо вдруг стало уродливым до крайности. Пахнуло гнилью и больной плотью.

И пальцы вцепились в плечо. Сдавили больно.

А те, кто должен бы защитить Теттенике, кто послан был беречь и хранить её, просто отвернулись. Всегда ведь отворачивались. Она же думала, что так и должно.

Что дело не в них.

В ней.

Что это она, Теттенике, и вправду вела себя плохо и заслужила щипок. Или затрещину. Тычок, от которого останется темное пятно синяка. Она шумела. Или веселилась, когда нужно быть тихой. Она криворука и неумела, некрасива, недостойна зваться…

Она долго училась вести себя правильно. А только все никак не выходило.

– Уходи, – сказала Теттенике старухе. – Зря ты сюда пришла.

И сумела выдержать взгляд. Только удивилась, сколько же в нем ненависти. А разве ахху, те, кого коснулась благословенная длань великой Матери, могут ненавидеть?

– Ты принадлежишь мне! – взвизгнула старуха и почему-то попятилась. Правда, словно опомнившись вдруг остановилась и руки подняла, завыла протяжно. – Проклятая! Проклятая!

И голос её окреп.

Он наполнил коридор замка, отразившись от стен его.

– Проклятая, проклятая! Силой данной мне… я взываю… взываю…

– А оно все никак не взывается, – сказал кто-то достаточно громко, чтобы люди вздрогнули.

И старуха.

И сама Теттенике.

– Это у вас от перенапряжения, – сказала рыжеволосая и ужасно некрасивая девица, сунув палец в ухо. – У нас от тоже

был жрец один. Любил повзывать спозаранку. Только-только петухи проорутся, и он следом. И главное же ж каждый божий день!

– П-петухи? – почему-то переспросила Теттенике.

– А то. Петухи-то у нас еще те. Голосистые – страсть просто! Вот лежишь бывало на перине, маешься, то ли вставать, то ли еще чуточек полежать, а они как возорут! Ну и этот потом со взываниями своими. И главное, петухи-то ладно, им чего?

– Чего?

– Ничего, – девица вытащила палец из уха и отерла о платье. – Они же ж птицы. Пожрать да погулять. А вот жрец… со жрецом тяжко. Если не взовешься, так он скоренько тебя кадилом да поперек спины перетянет. Не поглядит, что ты…

Она осеклась.

– В общем, тяжелый человек был.

– Ты кто? – старуха попыталась ткнуть пальцем уже в эту вот, рыжую.

– Ярослава я, – сказала та, палец перехвативши. И сжала этак, упреждающи. – Яркой люди кличут. И ты можешь, почтенная женщина… а жрец вот одного разу взывать вышел и все. Удар хватил. Покраснел и рухнул. Потом уж целители поведали, что это у него от излишнего рвения жила какая-то внутрях лопнула. Так что, любезная, ты б побереглася со взываниями. Опасное они занятие.

Ахху попыталась руку выдернуть.

И оглянулась.

Но охрана, которая была приставлена к Теттенике, с прежним рвением разглядывала стены. И… почему-то это порадовало.

А Яра руку разжала.

– Старость-то уважать надобно, – сказала она и, присев, принялась собирать зачарованные предметы, складывая в подол платья. – Нате от…

Она попыталась высыпать собранное в руки старухи, но та шарахнулась, подтверждая самые мрачные догадки Теттенике.

Зачаровала.

– Проклятая! – взвыла та, снова ткнув Теттенике. – Слушайте! Слушайте все!

– Слушаем, – Яра шмыгнула носом. – Вы только того… жилу не порвите какую. А то потом сестрица попрекать станет, что я старость недоуважила.

Лицо старухи налилось кровью. И сделалось еще страшнее, хотя недавно Теттенике казалось, что страшнее уже и некуда.

– Слушайте все!

– Слушаем! Говори ужо.

– Проклята она Великой Матерью, – старуха крутанулась, и взлетели, чтобы опасть, грязные юбки её. – Ибо обман великий свершился! Слово было дадено! Слово не исполнено!

– Ишь ты… – восхитилась Яра.

– А потому пусть падет гнев Великой Матери на головы тех, кто дерзнет… – старуха слегка закашлялась. А Теттенике поняла, что не способна и шагу сделать.

И руки онемели.

Ноги.

Сама-то она словно застыла.

– Чего дерзнет-то? – уточнила Яра. – А то же ж не понятно, чего дерзать можно, чего нельзя. В проклятиях, оно ж как, конкретика нужна.

– Ты… тоже проклята!

– Жуть какая!

– Да сгниет нутро их! Да иссохнет оно! И не родятся от проклятой крови дети! И всем-то, всем, кого коснутся они, дерзновенные, принесут лишь смерть в мучениях.

– Да? – Яра поскребла нос, а потом быстро, так, что Теттенике и моргнуть не успела, ткнула пальцем старухе в лоб.

– Ты…

– Проверить надобно, – палец прочертил линию по носу. – А то вдруг не сработает?

Старуха вновь завыла.

– Смерть! Смерть я зрю!

– Где? – Яра обернулась, рот приоткрывши. И вид у нее был столь потешный, что Теттенике не выдержала и хихикнула. От переживаний, наверное.

Или от того, что переживать устала.

Это, оказывается, донельзя утомительное занятие, пере-

живать.

– Смерть! – громче завыла старуха, хотя куда уж громче, казалось бы. Вытянувши руки, она затрясла ими так, что костяные браслеты на запястьях забренчали. – Смерть идет… смерть грядет… вижу, вижу… близка она! И бедствия многие случатся! И тьма падет на мир…

Она вдруг замерла, раскрывши рот.

Глаза её закатились, а лицо скривилось. И показалось вдруг, что вот-вот лицо это треснет, что выглянет из-под желтой, разрисованной морщинами кожи, нечто до того жуткое, что человеку обыкновенному глядеть на это никак невозможно.

Да только и взгляда отвести не выйдет.

Старуха моргнула.

Дернула шеей.

Руки вытянутые опали и она словно сгорбилась под тяжестью их.

– Тьма, – голос вдруг сделался сух и скрипуч, что старая арба. – Тьма близко. Тьма рядом.

– А вот это уже серьезно, – Яра перестала улыбаться. Да и Теттенике поняла, что сейчас видит… иное? Ахху способны прозревать грядущее.

Не все, лишь некоторые, но… но как тогда?

– Уже близко. Кровь ушла. Кровь вернулась. Кровь отворит запертое, – рот закрылся и губы задрожали. А из уголка потекла тонкая нить слюны. Теттенике смотрела на эту нить

и думала, что надо что-то сделать.

На помощь позвать.

Только… кто придет? Никогда и никто не помогал. А теперь вот…

– Она вернется! Она обязательно вернется… – старуха захрипела и схватилась обеими руками за горло, а потом, покачнувшись, осела на пол мешком грязного тряпья.

Глава 6
В которой задается риторический вопрос о том, кто виноват

«Трижды произнес он запретные слова, и окропил камень кровью черной курицы, возложил на него три ветви болотной полыни и перо ворона. Тогда-то и загремели небеса, гневом упреждая безумца, что пожелал свою душу бессмертную низринуть в пучины тьмы и беззакония»
«Поучительное повествование о юноше, желавшем обрести власть невиданную, однако претерпевшему многие бедствия с того, писаное во наставление и предупреждение юных отроков»

Я стояла и смотрела на труп.

Задумчиво так. И ведь самое интересное, что никаких особых эмоций этот труп не вызывал, разве что раздражение. Приехала тут. Померла. А нам теперь думай, что делать и как девиц успокоить. Хотя… девицы тоже стояли и смотрели.

Презадумчиво.

– Сердечная жила не выдержала, – сказала Летиция Ладхемская и, подхвативши юбки, подошла к покойнице. А я еще подумала, что, может, она вовсе и не мертва.

Нет, лежит себе, рот перекривился, глаза распахнуты, в потолок пялятся, но… вдруг да просто приступ какой?

Или еще чего.

– Или мозговая, – добавила Ладхемская принцесса, старательно обминая юбки. – Мне потрогать её надо.

– Вы… уверены? – поинтересовался Ричард.

– Само собой. Как иначе я могу определить причину смерти? – в раздражении принцесса дернула юбки. – Как же это все не вовремя…

Точно.

Вот был обед.

Душевная беседа о прошлом, как-то мило и незаметно перешедшая в разговоры о настоящем и архитектуре. Когда о прошлом и родстве говорить стало неловко. Еще, кажется, музыку пытались обсуждать, но без особого успеха.

О погоде поговорили.

И кто-то предложил прогуляться во двор. Предложение это даже поддержали, особенно Ариция Ладхемская, которая не спускала с Лассара глаз. Причем смотрела этак, с прищуром и плохо скрытым желанием заглянуть под доспех.

И ведь желание это, которое заметила не только я, Командора смутило.

Потому-то и гулять он не пошел. Делами отговорился.

Необходимостью что-то там проинспектировать. С ним сразу захотели инспектировать и прочие, сперва ладхемцы, которые определенно не отличались скромностью, там и степняки с островитянами, и виросцы. И как-то у всех вдруг сразу дела нашлись.

Кроме Ричарда.

Он на меня поглядел тоскливо, подавил вздох и пошел гулять. В сад. То есть, во двор, потому как сад выглядел слишком уж первозданно. В такой не всякую девицу гулять поведешь.

Ну а я…

Я тоже пошла.

На всякий случай. Ричард, он, конечно, может, и Повелитель Тьмы, но все равно добрый и немного наивный. И как знать, что случится может. Принцессы-то на диво хваткие. За такими глаз да глаз нужен.

Гуляли мы.

Гуляли.

Ладхемки щебетали о чем-то. Мудрослава Виросская беседовала с Брунгильдой и как-то так, что та позабыла о смущении и говорила тихо, но страстно. Сопровождавший её мужчина – звали его Никасом – время от времени задавал вопросы… а потом как-то так получилось, что раздался крик.

Тонкий такой.

Женский.

Но за мгновенье до него Ричард вдруг остановился и, резко развернувшись к Замку, рявкнул:

– Тихо.

Все и замолчали. Включая единственного попугая, огромную птицу с ярко-красным оперением, принесенную дэром

Гроббе, дабы несколько оживить пейзаж. Ну и придать парку хоть какой-то налет цивилизованности.

Попугай имел массивный клюв, мрачный вид и обыкновение тихонько, но с душою, материться вслед принцессам. Причем это его свойство обнаружилось только сегодня.

Принцессы сделали вид, что не слышат.

А я даже не разозлилась.

Но главное, что, когда Ричард сказал это вот свое «тихо», то замолчали все, включая нахохлившуюся птицу. А Повелитель Тьмы, развернувшись, бросился прочь.

Бегом.

За ним я.

Принцессы.

И вот… стоим в коридоре. И главное, людно так.

– Да помогите же! – Летиция опять дернула платье и ткань слегка затрещала. А она все-таки сумела присесть.

Сперва присесть. Потом встать на четвереньки, опираясь одной рукой на кружево. Вторую принцесса вытянула и осторожно коснулась пальцами старухи.

Выругалась.

Почти как попугай. Вот, говорю же, глаз да глаз. С виду-то приличная принцесса. Классическая даже. А такие выражения знает! Я тоже запомнила. Для общего развития.

Жизнь – штука сложная, никогда не знаешь, что в ней пригодится.

– Она умерла, – торжественно провозгласила Летиция Ла-

дхемская, пытаясь обуздать мешающее ей кружево.

– Заметили, – отозвалась Брунгильда, хмурясь.

– Она уже давно умерла.

– Быть того не может! – воскликнула рябая девица и подпрыгнула от переполнявшей её энергии. – Мы ж только что вот говорили!

– Договорились, вижу, – прошипела Мудрослава Виросская, пытаясь к девице подобраться, а та попятилась, тихонечко так, будто бы разом вспомнивши о каком-то весьма важном деле, о котором позабыла.

– Дня три уже как, самое меньшее, – продолжила Летиция Ладхемская и, снова дернув юбки, которые норовили раскрыться, погребая несчастную принцессу в шелках, подползла поближе. Теперь часть покойницы скрылась под кружевами, а я восприняла это как-то… спокойно, что ли? – Или нет…

Надушенные пальчики ловко ощупали лицо, ненадолго задержавшись на лбу. Потом повернули голову влево.

Вправо.

– Мне нужно будет осмотреть её тщательнее, – сказала принцесса, пытаясь подняться.

И Ксандр любезно подал руку.

– Благодарю. Сложный случай. Интересный. До крайности.

Почему-то я вздрогнула. От неожиданности, не иначе, ибо как-то не укладывались в моем представлении прекрасные

принцессы и ужасные покойницы.

– Она будто изъедена тьмой и, главное, органы пострадали в разной степени. Ощущение такое, что она умирала давно… очень давно. А теперь, наконец, взяла и упокоилась!

Это было произнесено донельзя радостным голосом.

А принцесса повернулась к Ричарду и поинтересовалась:

– У вас анатомический театр имеется?

– У меня и обыкновенного-то нет, – повинился Повелитель Тьмы, чуть склонив голову. – Извините.

– Плохо, – взгляд Летиции сделался донельзя задумчивым. – Как можно жить без прекрасного?

– А что прекрасного, извините, в анатомическом театре? – осторожно уточнил Ксандр, глядя на пальчики, что лежали на его руке. Верно, прикидывая, сколь прилично будет от этих пальчиков избавиться.

Если осторожно.

– Прогресс! – отозвалась Ариция Ладхемская. – Прогресс всегда прекрасен, как и путь к познанию.

– Так… а все-таки, – Летиция выпустила жертву. – Где у вас тут трупы вскрывают?

– Ну… – Ксандр и Ричард переглянулись.

И вид у них сделался несчастным.

– Только не говорите, что не вскрывают! – Летиция и ножкой топнула. – Это… это в конце концов, обитель зла и порока!

– Да? – рябая девица начала оглядываться. – Тут?

– Нам так говорили, – поспешила сгладить неловкость Ариция. – Наверняка, преувеличивали… в отношении порока.

– Да, да, – закивала рябая. – Верю. Совершенно беспорочная обитель зла.

Ричард издал сдавленный звук, то ли стон, то ли с трудом сдерживаемый, но совершенно неуместный в данной ситуации смех. А я сказала:

– Думаю, тут найдется какая-нибудь… лаборатория. Или просто комната со столом?

Комната нашлась.

Летиция Ладхемская переодевалась.

И делала она это с совершенно неподобающей облику и положению поспешностью. Молча суетились служанки, и в каждом прикосновении, в каждом жесте их ей чудилось то самое неодобрение, которое Летиция, как ей казалось, преодолела. Вместе с неподобающими принцессе склонностями.

Преодолела.

Забыла.

Давно уже забыла. А тут взяла и вспомнила. Вдруг.

Но… но разве могла она поступить иначе?

Спину жег неодобрительный взгляд дуэньи, которая поджала губы, что, впрочем, не мешало ей жевать. Жевала она чеснок, изредка обмакивая дольки в освященный мед.

Платье сняли.

И нижнее тоже. Убрали часть юбок. Фижмы. И ослабили корсет.

– Ты тоже думаешь, что я зря? – тихо поинтересовалась Летиция и закрыла глаза, позволяя стереть с лица своего краску. Стирали теплыми надушенными полотенцами. – Матушка была бы недовольна.

У нее, может, опять бы сердце прихватило.

– Несомненно, – проскрипела дуэнья, выдыхая теплый чесночный аромат. – Вы, ваше высочество, уж позвольте, но проявили совершенно непростительную неразумность, показав столь неуместный интерес к… случившемуся.

Она чуть запнулась, а физия сделалась еще более торжественной и одухотворенной.

– Но это можно еще объяснить.

Летиция поморщилась.

Всегда объясняли. Во всяком случае еще в детстве, когда она не знала, что титул – это прежде всего ограничения. И пусть принцессе многое проститься, но… не это.

Лучше бы она тогда и вправду любовником обзавелась.

Любовник – это хотя бы жизненно.

Понять можно.

– Нет, – Ариция покачала головой. – Напротив, я думаю, что ты все правильно сделала.

– Я? – Летиция выхватила полотенце из рук служанки и сама стерла с лица краску. Закрыла глаза, наслаждаясь таким

недоступным ощущением чистой кожи. И продляя его.

Она действительно забыла, как это возможно, вот так…

Пожалуй, от белил она откажется.

И от румян.

Не станет рисовать ресницы. И краску для век оставит на вечер. Немного пудры, чтоб совсем уж приличия не нарушать, и помада, но та, которая посветлее.

Именно.

– Ты, дорогая сестра.

– Ариция, вы-то должны поступить разумно! – возмутилась почтенная дуэнья, едва не подавившись очередным ломтиком чеснока.

И вот как у нее изжога-то не начинается?

Летиция покосилась на дуэнью с интересом. Хотя… она привезла с собой целую корзину всяких склянок с зельями, иные весьма сомнительного свойства, если бы кто поинтересовался мнением Летиции. Но им никогда-то не интересовались, вот она и молчала.

Привычно.

– Убедите вашу сестру, что её поведение будет неподобающим!

– Почему? – Ариция подала простое платье, которое подошло бы служанке. Вероятно, у служанки и было взято. – Напротив. Оглянитесь! Где мы находимся?

– В сердце зла! – отозвалась дуэнья и даже привстала, должно быть, для пущей солидности. И руку вытянула к по-

толку.

– В месте, где к мертвым отношение совсем иное, нежели то, к которому мы привыкли. Здесь мертвые ведут себя как живые.

– И это противно богам!

– Если бы богам и вправду было противно, – отозвалась Ариция, сама помогая Летиции застегнуть махонькие пуговки. – Они бы нашли способ высказаться. На деле же думаю, что нам сказали и показали далеко не все. Если рассуждать здраво, вряд ли из обычного мертвеца можно создать нечто, подобное этим темным рыцарем, силою молитвы.

– Вы недооцениваете силу молитвы, ваше высочество! – дуэнья окончательно оскорбилась и замолчала, надувшись от обиды. Отчего сделалась похожей на жабу, правда, в высоком парике.

А все-таки до чего по-дурацки эти парики смотрятся.

И не понятно.

Нет, парики – очень даже понятно, но… как Летиция могла забыть?

– Пускай. Но думаю, у них есть способ более надежный и требующий некоего вмешательства в структуру плоти. Следовательно, что?

– Что?

– Увлечение моей сестры может оказаться очень даже полезным. Это ведь хорошо, когда муж и жена получают удовольствие от вещей сходных.

– Я не получаю от этого удовольствия! – возразила Летиция, помогая закрепить скромный узкий воротник из жатого кружева. Мешать он не должен, а вот наряд преобразил.

Служанки кружев не носят.

Вот волосы под сеткой лежали ровно. Летиция несколько мгновений раздумывала, но все же отказалась от парика. Не хватало, чтобы пудра с него попала на образцы.

– Мне просто интересно, как устроено тело…

…с этого все началось.

Или с разбитой коленки. Ей так рассказывали, про коленку и про то, как Летиция сидела, завороженно глядела на кровь и не пыталась даже её остановить.

Как приставала с вопросами к целителю.

А тот не прогонял, но отвечал. Сперва отвечал, потом, верно, утомившись, вручил принцессе книгу. И другую. Третью. Когда книг стало слишком много, а в речи её высочества начали проскальзывать слова, совершенно неподобающие, непонятные, нянюшки забеспокоились.

Но Её величество отмахнулись.

А Его величество никогда не снисходил до дел столь незначительных. И дочерей он любил. И когда Летиция попросила разрешения учиться целительству, дозволил.

Отчего бы и нет?

Кто ж знал, что учеба – это не только книги, но и госпитали. Раны. Разные раны. А еще мертвецы, с первым из которых Летиция столкнулась в четырнадцать лет. Это был плот-

ник, который свалился пьяным в пруд и захлебнулся. А Летиция, прикоснувшись к телу, увидела.

И то, что пьян был.

И падение.

И смерть. И тогда еще в обморок упала от избытка чувств, а списали на тонкость души. Она же смолчала, ибо тонкая душа – ей об этом рассказывали – куда более подходит принцессе, чем жадное непристойное любопытство.

Летиция подавила вздох.

Целых два… два чудесных года она занималась делом, которое полагала весьма и весьма любопытным. Ведь, как выяснилось, смерть таила в себе загадок едва ли не больше, чем жизнь.

И еще мертвые не могли себя защитить.

Это она поняла, коснувшись руки бледной хрупкой девицы, горничной, которую все полагали самоубийцей, а Летиция увидела, как бедолагу топят. И из-за чего.

И кто.

И… увидев, не сумела смолчать, потому что это было бы несправедливо. Она рассказала, сперва целителю, добродушному почтенному мастеру Эвусу, который уже успел привыкнуть к странностям и капризам принцессы. А потому выслушал.

Внимательно выслушал.

И изложил услышанное на бумаге, чтобы передать другому надежному человеку.

– Вы, ваше высочество, – в тот день Эвус сделался донельзя печален. – Обладаете редким даром, но… не вижу, чем он может быть полезен принцессе.

– А не принцессе?

– Если… если вы решитесь.

У мастера Эвуса имелись друзья средь городской стражи. И следующие несколько месяцев стали одновременно и страшными, и увлекательными, ибо выяснилось, что и за пределами дворца есть жизнь.

Разная.

Когда все вылезло наружу? Слухи пошли. Правда какие-то такие, неопределенные, ибо правды никто-то не знал, но когда это мешало людям эту правду выдумывать?

Слухи множились.

Обрастали самыми чудовищными подробностями. И добрались-таки до матушки. И до отца. И… и был неприятный разговор, после которого мастер Эвус отправился в собственное поместье, а Летиция – в гости к герцогине Хаммоншир, славившейся своим изысканным вкусом и умением воспитывать юных девушек должным образом.

Голова заболела.

И Летиция привычно коснулась пуховкой лица.

Глава 7
Где у добра появляются сомнения

«А ежели сомнениями преисполниться душа, на какую женщину глядя, в том, что доброго она роду и себя блюдет, душу и тело от искуса оберегая, поступить надлежит так. Собрать людей достойных, средь прочих известных разумностью своей, крепостью веры и благородством души, числом не менее трех. И в день, когда луна идет на убыль, а с нею и сила всякая, особу ту, что подозрения внушала, подвергнуть испытанию, коие выявит, чиста ли душа у грешницы, и не отдала ли она её демонам во пользования на беды людского рода великие».

«Наставления о выявлении одержимых и тако же иных людей, в сношениях с силами темными виновных»

Артан Светозарный чувствовал себя неловко. Вот с того самого момента, как вовсе оказался в месте подобном.

Месте, которое должно было бы быть воплощением зла, как и его хозяин. Но следовало признать, что если сам Замок был необычен, то хозяин его производил впечатление удручающе обыкновенного человека. С другой стороны, обыкновенному человеку не служат мертвецы.

А ими не повелевает древнее создание.

Стоило подумать о создании и спина зачесалась.

Задница тоже.

Как тогда, когда Артан в очередной раз сбежал от наставников, чтобы спрятаться в саду с книгой. Книга была увлекательной, о благородных подвигах и не менее благородных рыцарях, их совершавших. Её немного портила неразделенная любовь рыцаря к прекрасной даме, без которой по мнению Артана можно было бы обойтись, но в целом он увлекся.

Так увлекся, что пропустил момент, когда стоило бы вернуться.

В общем, дома он оказался на закате, и выяснилось, что его ищут. Давно и усердно. Матушка волнуется. Её компаньонки тоже волнуются. И тетушки. И дальние родственницы, которых отец держал при доме, потому что так прилично. И вообще все-то вокруг.

Даже сам отец.

Тогда он лично порол Артана. Это запомнилось. Забылось. И теперь вдруг выплыло с тем самым неясным чувством вины, хотя и не понять, за что.

Он ведь прав.

Зло должно быть уничтожено. И подло было с его стороны на вызов не ответить. А главное, теперь не понять, что самому Артану делать. Нападать? Но без вызова это как-то… подло.

Неправильно.

Какой пример он людям подаст?

Мысли угнетали. Гнали… куда-то. В сад. В саду он и сам не понял, как очутился, причем в дальней части его, если это вообще было частью сада. Здесь замковая стена роднилась со скалой, которая поднималась еще выше, чтобы истаять средь облаков.

Внизу было прохладно.

Расползались колючие плети какого-то растения, толстого и с мясистыми листьями, под которыми прятались розовые ягоды. Пробовать их Артан не рискнул.

Здесь пахло землей. И самую малость – морем, до которого было не так и далеко. Он огляделся. Хмыкнул. Надо же… это все девицы, которые то и дело поглядывали на Артана и чудилось в их интересе нечто донельзя земное.

Внушающее опасения.

И главное, ладно бы только принцессы, но у них же свита имелась. И как-то вдруг после обеда Артан обнаружил себя окруженным прекрасными девами. Весьма милыми очаровательными страстно желающими продолжить знакомства и очень-очень прекрасными.

Девы щебетали.

Вздыхали.

Трепетали веера. Расползались облака чего-то душистого и трепетного. И от запахов, от избытка красоты, от щебета этого закружилась голова.

Артан сбежал.

В сад.

Но когда это женщин останавливало? Правда, в саду ему удалось куда-то свернуть. И опять. И… где-то рядом раздался взрыв смеха. И Артан нервно оглянулся. Нет, здесь сад выглядит совсем уж для прогулок непригодным, но кто их знает-то.

Зашумело старое дерево.

Развернулись колючие плети, убрались, обнажив узкую тропинку. И… ловушка? Сердце радостно ёкнуло. Его хотят заманить и…

Артан решительно встал на тропу. Благородный рыцарь никогда не откажется от подвига. Раз уж возможность подвернулась. Он положил руку на клинок и огляделся.

Сад.

Замок.

Ничего не изменилось и все же… все же не покидало ощущение что он все делает правильно. Тропа вела. А ведь казалось бы, куда идти? Стена рядом. И скала за нею. А нет, поди ж ты. С тихим шелестом один за другим расползались плети кустарника, и каждая была толще предыдущей. Листья стали жестче. То тут, то там в колючках их виднелись клочья паутины.

Под ногами хлюпало.

Артан остановился.

Оглянулся.

Вернуться? С братьями? В доспехе? Какой подвиг без доспеха. Из горла вырвался нервный смешок. И разумно, ведь

он уже не тот мальчишка, который верит в прекрасное. Он взрослый. И обязан поступать разумно. Но… если тропа исчезнет?

А ему что-то подсказывало, что она исчезнет.

Тогда… тогда Артан никогда не узнает, куда она ведет. Почему-то вспомнились кипы бумаг. Отчеты. Проблемы, которые никуда не делись. Другой старый замок. И унылое, но донельзя правильное существование.

Артан мотнул головой.

Нет уж.

Он дойдет. Он… он просто дойдет и все. Взглянет. И… и какие ловушки? Ему обещали безопасность. И он обещал. Речь не о подвигах, о подвигах в его годы мечтать по меньшей мере недальновидно. Какие подвиги, когда у него обязательства? Просто… просто посмотреть.

И ветви закачались над головой, сплетаясь друг с другом.

Тропа… вела.

К стене.

И в стену упиралась.

– Это все?! – обида была такой горькой, какой, наверное, бывает детская обида. И Артан вновь ощутил себя мальчишкой, тем, которому обещали на день рожденья меч, а подарили бархатный камзол и пай в двух кораблях. И ладно бы сами корабли. Кораблей ему даже не показали, но сунули в руку лист бумаги.

Проклятье.

Артан коснулся стены.

Кирпич?

Нет.

Скала. Гладкая. Серая. Слишком уж гладкая для природной скалы. Значит… что это значит? Он оглянулся. Тропа за спиной никуда не исчезла. Вон, лежит темной лентой, пробираясь сквозь колючки. И те сомкнулись? Или кажется, что сомкнулись?

Стоп.

Это просто загадка. Тропа не могла вести к скале, если в этой скале ничего не было. Это напрочь лишено смысла, если, конечно, его не пытаются разыграть. Артан ненадолго задумался, но мысль отбросил. Как-то это… несерьезно, что ли.

Ладно бы проклясть там.

Искушать.

Или и вовсе коварно убить. А тропинку к камню протаптывать… нет, это ни в какие ворота не лезет. И он повернулся к скале. Ощущение близости тайны будоражило.

Артан провел по каменной поверхности ладонями.

Так и есть. Гладкая, будто её шлифовали.

Зачем кому-то шлифовать скалу? Если только… тропа подходит и обрывается. Скрытый проход? Но как его открыть? Артан отступил. Прищурился. Нет. Ничего. Ни выбоин, на которые нажать бы, ни рычагов, требующих, чтобы за них потянули, ни статуэток, ваз и прочих элементов, ка-

кие можно было бы сдвинуть.

И…

Что дальше?

Он отступил.

Еще на шаг.

Прищурился. Склонил голову. Показалось? Еще отступил. Хмыкнул. И подошел вплотную. Так и есть. В одном месте гладкая скала была будто бы и не гладкой, словно царапина. И еще одна. И третья. Они складывались в рисунок, понять который не получалось. Их бы подкрасить, но… чем?

Артан зачерпнул горсть влажной земли, но та скатывалась с камня.

Он попытался вдавить, втереть и, кажется, слишком уж рьяно. Острая боль опалила пальцы.

– Твою… – Артан сунул кровящий палец в рот и… и кровь не стекала с камня. Та капля, что осталась на нем, впиталась в тонкую полосу, почти проявив её.

Конечно.

Ему стоило подумать раньше. Что еще может быть ключом в подобном месте, как не кровь. Вот только… безопасно ли это? Артан вытащил руку изо рта.

Тьма и кровь – не то сочетание, к которому можно отнестись бездумно.

Или…

Вернуться? Задать вопрос хозяину? Потребовать ответа. Хотя какое право имеет Артан что-то требовать? И в целом

неудобно получится. Его пригласили, а он в чужие тайны лезет.

Тогда что?

И пока здравый смысл не возобладал, Артан Светозарный с неподобающей титулу его поспешностью прижал палец к скале. Его вновь опалило. И стало быть, порез не случаен. Кровь потекла. Она полетела по тончайшим нитям царапин, связывая их воедино.

Паутина?

Нет.

Знак. Но… где-то его Артан видел. В рукописи. В очень древней рукописи, но… что за она? Линии сомкнулись, и Артан отступил, а скала издала протяжный просто душераздирающий скрип. Часть её сдвинулась, открывая черный зев-проход.

Из него пахнуло сыростью и гнилью.

– Это неразумно, – пробормотал Артан Светозарный, озираясь.

Будь здесь брат или кто-то из паладинов, они бы наверняка сказали, что соваться в одиночку в незнакомые проходы, запертые древними символами и древней же магией, совершенно точно неразумно. Но он был один, а ветер донес веселые девичьи голоса. И Артан шагнул во тьму.

Тьма, правда, весьма скоро расступилась. По стенам побежала дрожь, и один за другим, медленно, словно спросонья,

загорались светильники.

Тоже старые.

Древние даже.

Артан остановился, чтобы посмотреть. Он такие тоже видел, но вот где… не важно. Здесь, внутри, стены не были отшлифованы. Обычный камень, даже грубой обработки. Ни барельефов, ни росписей.

Ни золота.

Коридор.

Ступени.

Снова коридор. И опять ступени, уводящие под землю. Запоздалая мысль, что врата могут и закрыться, что Артан понятия не имеет, как их открывать изнутри и вообще возможно ли это. И если они действительно закроются, он умрет. Вряд ли его отыщут здесь. Но светильники дрожали, да и тяжелая дверь, к которой его вывело, дразнила близостью тайны.

Дверь была железной.

Или это не железо? Медь? Металл кажется то красным, то желтым. Но главное не это. Створки плотно сомкнуты. И нет ключа, как нет и отверстия, в которое этот ключ вставлять.

Ручек тоже нет.

Зато есть пластины из металла, на которых живы картины прошлого. Очень давнего, забытого всеми прошлого.

Вот… карта. Империя? Страна, которой давно уже нет? Настолько давно, что многие и не верят в её существова-

ние. И Артан сам, признаться, сомневался, уж больно странным было все, что о ней писали. Сказочным. Но вот она, лежит… знакомые очертания морей и континентов, россыпь островов. И драгоценные камни, которыми очерчена граница. Другие камни, поменьше – это, вероятно, города. У каждого свой символ.

Герб?

Что-то иное? Главное, теперь видно, сколь огромна была эта, ушедшая в прошлое, империя.

А вот древо имен. Все-то Артану незнакомы. И имена эти переплетаются, связываются друг с другом странным узором. Родословная? Родовое древо?

Похоже, хотя и не совсем.

Надо бы уходить.

То, что за дверью, не предназначено для Артана. Это принадлежит хозяину Замка. Но знает ли он? Почему-то было ощущение, что проход в скале давно не открывали. А стало быть, вежливый гость понял бы неуместность своего интереса.

И рассказал бы хозяину о находке.

Артан вежливостью не отличался.

Да и с воспитанием, похоже, у него не заладилось. Матушке точно было бы стыдно. Но матушка, к счастью, находилась далеко, пребывая в уверенности, что сын её старший – человек в высочайших духовных достоинств.

Артан вздохнул.

И почти решил, что не станет лезть дальше. Только дверь рассмотрит. И потом, вернувшись в замок, подробно опишет увиденное. Для архивов. И истории.

Это ведь важно, оставлять подобные записи для истории.

Еще пластина. И море, которое отступает от берегов. Из кипящей воды поднимается ужасающая фигура демона, столь отвратительного с виду, что рука сама на меч легла. От ладоней демона тянутся нити к воде, а от головы – еще одна, к человеку, что стоит на вершине скалы. Рядом с демоном человек этот глядится совсем уж крохотным. Однако теперь у Артана нет сомнений, что именно он повелевает чудовищем.

Во благо рода людского.

Вот тот же берег. И усмиренное море. Корабли. Высокие башни порта. Вновь же люди. И еще пластина, с демоном, что двигает скалы, освобождая путь.

Значит ли, что так оно и было?

Люди призывали существ Нижнего мира, мира проклятого, дабы те служили им? И ведь служили. Вот холмистая местность становится равниной, и её разрезают тончайшие нити рек, дабы поить землю. И преисполнившись благодарности, земля родит…

Много.

Слишком много всего. Слишком оно настоящее, чтобы счесть все выдумкой.

Артан разглядывал каждую пластину тщательно, силясь

запомнить все в мельчайших деталях. И уже понимал, что не сумеет, что сюда надо будет вернуться.

Зарисовать.

Рисовал он не слишком хорошо, но средь братьев есть и те, кого боги наградили талантом. Только… пустят ли их сюда?

Демонов становилось больше.

Вот они, сомкнувшись, встали над городом, и кривые когтистые руки касались друг друга, и казалось, что они кружат за высокими стенами ужасающим хороводом. Наверняка это что-то да значило. Что-то весьма важное, пусть пока и не доступное понимаю Артана.

А вот дворец.

И люди.

Они тоже стоят кругом и есть в их обличьях нечто донельзя нечеловеческое. И люди ли это вовсе? Пусть они малы, пусть не видно ни рогов, ни когтей, но не отпускает ощущение, что сами они подобны ужасающим порождениям Хаоса.

Те же позы. Те же выражение лиц.

Артан осторожно коснулся пластины.

И перешел к следующей.

Повествование. Вот, что он нашел. Не важно, что укрыто за дверью, главное, что сама она важна. И снова люди. Храм? Или дворец? Зал огромный. И украшен богато. Трон. А перед ним алтарь, на котором лежит девушка. Она обнажена, и эта нагота заставляет Артана краснеть.

И переводить взгляд на мужчин.

Двое держат руки.

Двое ноги.

И еще один склонился над животом.

Жертва? Они приносили в жертву людей? Это… это отвратительно. Лицо девушки безмятежно, а на губах улыбка, будто не понимает она, что происходит.

Одурманена?

Проклятье…

А пластины изменились. Стали более… грубыми? Металл отличается по цвету, да и изображения утратили свое изящество, будто кто-то пожелал продолжить эту вот историю, но не сумел найти по-настоящему хорошего мастера. С другой стороны, понять все одно можно.

Кровь.

И кубок, который наполняют ею. Человек, что пьет из этого кубка. Артан ощутил приступ тошноты, но, слава Светлым богам, не опозорился. Однако с неподобающей поспешностью перешел к следующей пластине. И трон. Человек на нем. От него расходятся тонкие нити, то ли лучи, то ли еще что. Не понять, что именно, но, верно, это важно.

Другие люди по обе стороны трона. И те же нити, но уходящие вверх и вниз. Внизу корчатся уродливые фигуры демонов, пронизанные этими нитями.

И снова жертва.

Жертвы.

Их становится больше? Женщина, в чьем обличье слишком много иного, чтобы усомниться в нечеловеческом её происхождении. Она садится у ног Императора, а на голове её появляется корона.

Вот она же, но с характерно большим животом.

Следующая картина заставляет отворачиваться, потому что в голове человеческой не укладывается такое. И Артан понимает, что ему одновременно и жарко, и холодно. И дрожит он совершенно не по-рыцарски. И дрожь эту пытается унять. Ладони взмокли.

По спине потекли струйки пота.

Возвращаться.

То, что было… это слишком мерзко, слишком отвратительно… но он поворачивается к пластинам. Снова карта, но теперь рядом с драгоценными камнями городов стоят черные бусины. И он не сразу понимает, что это.

Демоны.

Проклятые демоны… хотя Артан начинает сомневаться, кто же на самом деле проклят.

– Сколько их… – его голос тает в пустоте подземелья. И он вздрагивает от ответа, который произносит сам: – Много…

С тихим шелестом дверь отворяется.

Глава 8
О неприличных увлечениях приличных принцесс

«А девам благородным, дабы не ронять достоинства своего и не учинять ущерба чести родовой, надлежно соблюдать благонравие во всем, особливо в делах вольных. И потому из дел бездельных допустимо им читать книги духовные, нравственность воспитующие, играть музыку, но лишь на инструментах приличного свойства, и вышивать драгоценными нитями»
«Слова о благонравии и девичьей чести, коию надлежно блюсти»

Мудрослава Виросская все же ухватила братца за косу, когда тот слишком уж сунулся вперед.

– Стоять, – прошипела она, стараясь при этом улыбаться. Широко и радостно. Показывая всем видом своим, что несказанно счастлива находится в столь чудесном месте и в компании всех этих удивительных людей.

– Стою, – Яр потупился, правда все одно косил.

Влево.

На степнячку.

Та стояла, ни жива, ни мертва. Побелела, посерела даже. И губы дрожали, и ресницы дрожали, и казалось, что того и

гляди расплачется.

Красивая.

И степняки – народ крепкий, хотя вовсе не похожа она на смуглых и желтокожих детей Степи. Да и те будто бы сторонятся красавицы.

Почему?

– Что здесь произошло? – Мудрослава косу не выпустила, а то с братца станется заговорить её и сгинуть, растворившись где-то средь ладхемских девок, которых в замке было слишком уж много.

Куда больше, чем при ней боярынь.

И гляделись те наряднее, хотя, конечно, странными были их наряды. С виду неудобными, а то и вовсе стыдными. Где это видано, чтоб платье шею открывало? И ладно бы шею.

Вона, и грудь почти голая, правда, странно плоская.

И руки.

– Так… ругалась старушка, а потом померла, – как-то не очень искренне ответил братец. – От злости, видать.

– И ты не при чем?

Неугомонный. Вот вроде ж был рядышком, гулял по саду, чинно да прилично, как оно положено, в разговоры не лез и вовсе сделался столь тих, что Мудрославе бы заподозрить неладное, а она не заподозрила. Увлеклась.

Что-то такое рассказывал этот вот Повелитель Тьмы, который оказался вовсе не страшен, то ли про историю, то ли про нежить, то ли еще про что, главное, что рассказывать

умел.

И слушали его.

Мудрослава тоже.

А потом вот крик. И мертвая старуха, над которой склонился Яр. И степнячка эта. Суета… суета унялась, старуху перенесли в лабораторию, причем весьма даже просторную. Места вот в ней всем хватило.

– Совершенно! – соврал Яр, и Мудрослава за косу дернула.

Огляделась.

Степняки.

И ладхемцы рядом. Их красные мундиры выделяются яркими пятнами. Там же бояре, которые вчера пить изволили, но прилично, памятуя, что в гостях. Из Ижицкого хороший глава посольский вышел. Крепко всех в руке держит, не позволяя честь государеву уронить.

Еще бы самому государю этакого понимания.

– Потом поговорим, – прошипела Мудрослава и улыбнулась еще шире, кивнула кому-то, сама не разобравшись кому.

Островитяне держались наособицу.

А к столу, на котором уложили покойную, никто-то не смел приближаться.

Кроме ладхемки.

Сперва-то Мудрослава её и не узнала. Мудрено ли! Оказывается, средь всех этих тряпок золотых человек прятался.

И главное, нормальная-то девка, если помыть.

Невысокая.

Не худая, не толстая, самое оно. И волосья у ней, оказывается, имеются. Рыжие. Только обрезаны коротко больно и зачесывает она их гладко. Да сеткою сверху прикрывает. Только непослушные прядки сквозь сетку пробиваются, ложатся завиточками.

Переоделась опять же.

– Ишь ты! – восхитился Яр как-то даже громко, пришлось опять за косу дернуть. – Ай!

И шепотом добавил:

– Оторвешь, потом сама клеить будешь.

– Веди себя прилично, – Мудрослава косу отпустила, с неудовольствием отметив, что в прежнем, размалеванном виде, ладхемка ей нравилась куда больше. Прежнюю-то её ни один нормальный мужик всерьез не примет, а теперь вот глядят.

Все.

Шепчутся.

Хмурятся ладхемцы, и глава посольства даже выступает вперед, склоняется, говорит что-то, явно неодобрительное.

– Мою сестру боги одарили щедро, – голос Арициии Ладхемской не оставляет шансов расслышать, что же такое втолковывали её сестрице. – Но дар её весьма… своеобразен.

А вот сама Ариция осталась в прежнем виде.

К счастью.

– Она способна заглянуть в человека и понять, отчего умер он.

Тихо стала.

– Некромантка, что ли? – осведомился Яр шепотом. Но услышали, кажется, все.

Боги, когда же он молчать научится-то?!

– Ладхемская принцесса не осквернила бы себя прикосновением к проклятому искусству чернокнижия! – громко отозвался глава посольства, вперившись в Яра свирепо. А тот плечами пожал.

– А я чего? Я так… спросить.

– Некромантия не имеет отношения к чернокнижию и тьме, – заметил Ричард, отводя взгляд. А ведь ладхемку рассмотрел, как и прочие.

Все-то смотрели.

Старомысл.

Он тоже. Вперился тяжелым взглядом. И… и Мудрослава ощутила прилив ярости. Как смеет он? Как… на эту вот… тощую.

Бледную.

Моль.

– Некромантия учит тому, как работать с мертвой материей. Сохранять её. Изменять. Использовать. В ней множество разделов и большая часть их далека от истинной тьмы. И потому в таком даре нет ничего стыдного, – это было сказано громко и на диво жестко, отчего шепоток, родившийся

было средь людей, стих. – Напротив, дар этот весьма редок. И оттого ценен.

И замолчал.

А Старомысл все смотрит и смотрит. Отчего он смотрит? На ладхемку? Он ведь говорил о любви. Разве тот, кто любит, будет глядеть на другую женщину? И так, бесстыдно?

Сердце заныло. И зубы. И появилось недостойное желание завизжать, затопать ногами.

– Спокойно, – Яр почувствовал и подхватил под руку. – Дыши глубже. Это морок. Только морок.

Морок.

И Мудрослава понимает. Разумом. Вот только сердце сбоит. Сердцу разум не прикажет. А во рту сделалось кисло, будто она ненароком порченного молока хлебнула.

Она прикрыла глаза и стояла.

Долго?

Верно, долго, а Яр стоял рядом. Вот так и за руку держал, сжимая крепко, отчего на душе словно бы легче становилось. Главное, что когда Мудрослава открыла глаза, то все переменилось.

Нет, старуха лежала на столе, только избавленная от лохмотьев.

Она была вовсе не страшной.

Напротив, она гляделась ненастоящею. Желтая кожа. Какое-то сухое легкое тело, глядеть на которое стыдно, но Мудрослава вперилась взглядом.

Зацепилась.

– И все-таки, – чей-то голос нарушил затянувшуюся тишину. – Возможно, не стоит юным девам видеть…

– Бросьте, – отмахнулась Ариция Ладхемская. – Я не раз и не два бывала в анатомическом театре. Это весьма познавательно.

– Я мертвецов не боюсь, – островитянка нахмурилась.

Степнячка лишь покачала головой и прижала к подбородку кулачки. А вот рядом с ней людей почти и не было, только один, невысокий хмурый и в роскошном халате, наброшенном поверх другого столь же роскошного, из-под которого, кажется, и третий выглядывал. Он стоял, обнимая хрупкую девушку, и что-то настойчиво говорил ей на ухо.

А остальные?

– Потом расскажу, как оно вышло, – Яр отпустил руку. – Старуха свое получила. Девочку вот жаль. Слухи пойдут.

Мудрослава кивнула.

Расскажет.

Все странно. Не так. Не как должно.

Ладхемская принцесса склонилась над телом. Она осторожно коснулась головы старухи. Прислушалась к чему-то…

Пальцы пробежали по лицу. Замерли на закрытых глазах. Переместились на грудь.

На живот.

Они рисовали странные узоры, и Мудрослава вдруг ощутила острую зависть. Выходит, что вот эта, разряженная в

пух и прах ладхемка, что-то умеет? Что-то такое, недоступное самой Мудрославе?

У Мудрославы тоже дар.

Но… её не учили им пользоваться. К чему? Разве вместно царевне ворожить? Она-то и должна, что силу свою детям передать, род укрепляя. В том её истинное призвание, а все прочее – от демонов.

А в Ладхеме, выходит…

Мудрослава прикусила губу. И поглядела на Яра. Тот смотрел. Все смотрели. На тело. На принцессу, ныне саму на себя не похожую. На то, как спокойно, умело двигались руки её. А на лице играла безмятежная улыбка.

И вот она отступила.

С благодарностью кивнула Ксандру, который подал влажное полотенце. И долго старательно вытирала им руки.

Каждый палец.

Каждый, чтоб его, палец… будто и не замечая ни людей, ни ожидания их.

– Она умерла, – сказала, наконец, Летиция Ладхемская.

– Мы заметили, – Мудрослава прикусила губу, кляня себя за вырвавшиеся эти слова.

– Давно. Это… сложно объяснить, но она… – Летиция уставилась на свои руки. – Она была мертва. И в то же время жила. Не понимаю!

В этом голосе было столько отчаяния.

– Я видела, как она умирала. Она… отравила кого-то.

Убила. Смерть оставляет отпечаток на человеке. Но та, другая, забрала её с собой. Так тоже бывает. А эта женщина не захотела уходить. И осталась. Только все равно умерла. А чтобы жить… она… она убивала.

Тихо.

Очень тихо. И слышно, как колотится сердце.

– Девушек. Она их забирала и убивала.

А степняки слушают внимательно. И с каждым произнесенным словом лицо мужчины темнеет. И вот уже не он поддерживает Теттенике, но она цепляется за руки его, словно пытаясь удержать.

Остановить.

Что?

– Она забирала их жизни себе, но этого было мало. И она пришла сюда. Она… хотела забрать её жизнь, – Летиция Ладхемская повернулась к степнячке. – Но почему-то просто так сделать этого не могла. Извините. Смерть, она всегда слегка размывает восприятие. Всякий раз по иному. Но… кем бы ни была эта женщина, тело лучше сжечь.

Она протянула полотенце к Ксандру.

– И еще… – Летиция задумалась ненадолго. – Могу я поговорить с вами? Наедине?

– Это неприлично! – взвизгнула пухлая женщина, которая, верно, выполняла ту же роль, что и боярыня Никитская при Мудрославе. – Наедине! Это… это вас скомпрометирует!

– Я думаю, этот вопрос можно решить, – Ричард подал руку принцессе, и это вновь же резануло по сердцу. Конечно… темный дар некромантии там, в мире обыкновенном, привычном Мудрославе, стыден. А здесь? Не выйдет ли так, что этот дар, про который Повелитель говорил, что он редок, станет тем самым аргументом в пользу Ладхема?

И не то, чтобы Мудрославе вдруг захотелось замуж, нет.

Просто… обидно.

– Что бы вы ни хотели сказать, – Ричард протянул другую руку демонице. – Мы выслушаем.

А еще подумалось, что демоница тоже не выглядит счастливой.

Почему?

Летиция Ладхемская давно не чувствовала себя настолько неудобно. Наверное, с того самого раза, как матушка, узнав о её даре, о недостойном её поведении, слегла. И впервые не ругалась, не читала мораль, но просто лежала, такая непривычно бледная и несчастная.

А в покоях остро пахло лекарствами.

Батюшка гляделся мрачным и хмурым.

И сама Летиция чувствовала себя виноватой. Правда, не понимала, в чем именно провинилась. Она ведь никому не причинила вреда.

Она… только пользу.

Она помогала.

Это ведь важно, помогать людям. Но отец был бледен.

– Дорогая, – матушка говорила слабым голосом и руку протянула, и Летиция коснулась этой руки, цепенея от страха. Вдруг да увидит на ней, на белой коже, привычную тень смерти? Но нет. Руки были чисты. И даже задышалось легче. – Дорогая, мы не сердимся… мы понимаем, что ты не виновата.

Только почему-то Летиция ощутила себя еще более виноватой.

– Однако ты должна понимать, что…

…разговор тот был долгим.

Муторным.

И запомнился лишь отчасти. Матушка вот. Отец. И еще маг, который выглядел очень расстроенным и тоже глубоко несчастным.

Почему?

Голова заболела. И Летиция поморщилась. Не хватало. Мало того, что она взяла и вот так… и теперь все знают, что Летиция Ладхемская владеет проклятым даром. Так еще и здоровье у неё слабое.

А перед глазами плывет все.

Будто туман.

И сестра в кои-то веки молчит, поддерживает под руку. Не от избытка родственной любви, никогда-то этой любви меж ними не было, но тоже хочет услышать.

Надо ли?

– Прости, – Летиция высвободила руку. – Но это и вправду… я потом. Ладно?

Когда станет понятно, можно ли вообще говорить о подобном.

Хмурится.

Ариция.

И почтенная вдова, которая теперь точно заставит есть чеснок и молиться. Остальные… и главное, у нее и в голове-то не было про остальных. Все-таки стоит признать, что ума Летиции никогда не доставало. Можно ведь было промолчать.

Удержаться.

Притвориться… а она вот полезла. Как-то разом и вдруг. И как быть теперь?

Пальцы Повелителя Тьмы кажутся необычайно теплыми. И прикосновение к ним успокаивает. А вот демоница смотрит хмуро. Недовольно. Летиция успела и её прогневить?

Хотя… отцовские фаворитки точно также на матушку смотрели. Те, которые были слишком глупы, чтобы этом можно было компенсировать красотой. Как правило, они весьма скоро покидали двор.

Была ли демоница глупой?

Или, возможно, стоит побеседовать и с ней? Договориться. Сказать, что Летиция – женщина цивилизованная, широких взглядом. И не станет возражать, если у мужа появится сердечное увлечение. Она ведь понимает, что брак – это во-

все не про сердечные увлечения.

И спорить им не о чем.

Нечего делить.

Леди Севальго, пусть даже давно уж покинула, что отцовскую опочивальню, что вовсе двор, удалившись на побережье, до сих пор с матушкою переписывается. И дружат они. Настолько, насколько сие возможно.

С демоницами и вправду лучше дружить.

– Прошу, – Ричард открыл какую-то дверь. – Вам принести чего-нибудь выпить?

– Выпить?

– Вы явно потратили много сил. Вас кто учил управляться даром?

– Целитель.

Ричард приподнял бровь. Он все-таки не слишком красив. В нем нет ни изящества, ни утонченности. И хорошо.

Почему?

Она сама не знала. Но вдруг поняла, что та прошлая её жизнь, она отчасти ненастоящая.

Как такое возможно.

– Извините, – Летиция потерла виски. – Голова… болит.

– Не удивительно, – пробурчал Ксандр, закрывая дверь. И он здесь будет?

– Я всецело доверяю моему другу. И… – Повелитель Тьмы запнулся, посмотрел на демоницу и покраснел. – Доверяю всем, собравшимся здесь.

Смешной.

Хотя… матушка говорила, что в годы юные отец тоже краснел легко. Потому и пудриться начал. А потом не только он. Мода случилась. И все никак выслучиться не могла.

Головы коснулись холодные пальцы.

Просто ледяные.

И смертью обожгло. И последнее, что успела подумать Летиция, так это, что и вправду было глупо разговаривать наедине. А потом стало больно.

И главное, сказать-то она не успела!

Не успела сказать!

Глава 9
О том, что принцессы бывают разные

«Хорошая жена не станет изводить супруга домыслами и сомнениями, задавать вопросы, которые смутят его или же подвергнут сомнениям его добропорядочность. Ибо памятуя, кто есть хозяин в доме, она ни словом, ни даже мыслею не усомниться в том, что он всегда честен и справедлив»

«Слово о доброй жене и приметах её, а тако же наставления мудрые для девиц юных, пожелай оные долгой и счастливой семейной жизни»

Ксандр ловко подхватил сомлевшую девицу.

Я поглядела на Ричарда.

Он на меня.

– Если вы собираетесь устранять свидетелей, – осторожно заметила я. – То это как-то… грубовато. Слишком много будет других свидетелей. А всех не устранишь. Ну или долго объяснять придется.

– Ксандр! – рев Ричарда заставил меня подпрыгнуть.

И хвост, конечно, шибанулся о шкаф.

– Ай! – я подхватила его, бедненького, и подула. – Не ори на ухо!

– Вот-вот, – поддержал Ксандр. – Не ори на ухо. Лучше помоги.

– С чем? – боль сменилась любопытством. А и вправду?

– С ней.

– Жрать будешь? То есть, потреблять кровь невинных дев?

С ладхемкой на руках Ксандр выглядел то ли зловеще, то ли героически.

– Я не потребляю кровь невинных дев! – он огляделся.

И я тоже.

Гостиная. Очередная. Сколько их в Замке, понятия не имею. Главное, что нынешняя в бирюзовых тонах, с серебром. Этакая тихая камерная обстановка, настраивающая на доверительную беседу.

– На софу её положи, – посоветовала я. А то смотрит на принцессу хмуро, и вправду сейчас употребит от избытка эмоций. А нам потом придумывай правдоподобное вранье.

– Это козетка.

– Положи на козетку, – согласилась я. – Или тебе нравится так стоять?

Принцессу он не положил – уронил. И не скажу, что я преисполнилась сочувствием к несчастной. Нет. Не нравилась мне она. Чем дальше, тем больше.

Умылась вот.

И выяснилось, что под толстым-толстым слоем белил скрывается вполне себе симпатичное личико. Добавим ста-

тус.

Дар редкий.

В общем… категорически она мне не нравилась.

Ричард подошел к девушке и взял за руку.

– Жива.

– За кого ты меня принимаешь? – Ксандр опустился на колени. – Сюда глянь.

И в лоб ей пальцем ткнул.

– Видишь?

– Вижу.

– А я? – я тоже сунулась посмотреть, но ничего-то не увидела. – Что?

– Ей закрыли часть памяти. Точнее не совсем убрали, а как бы… сделали неважной, что ли? Тонкая работа.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.

На принцессу поглядела я… нет, не с сочувствием. Что-то сложно у меня с сочувствием стало, никак сила демоническая сказывается, но вот… лежит она, бледненькая.

Осунувшаяся.

Просто-напросто почти и неживая.

– Дверь запереть надо, – сказала я.

– Зачем?

– На всякий случай.

Как маленькие, право слово! Или просто от людей отвыкли?

– Вдруг зайдет кто, а вы тут с обеспамятовшею девицей, –

я указала на Летицию Ладхемскую. – То ли кровь невинную вкушать изволите, то ли еще чего. И если кровь вам простят, то еще чего – нет.

– И в мыслях не было! – возмутился Ксандр, от принцессы отодвигаясь.

– Это ты у алтаря доказывать станешь, что у тебя в мыслях было, а чего не было.

А то и вправду, сунется кто из беспокойства или любопытства великого, потом то ли свидетеля изничтожай, то ли фантазируй, пытаясь объяснить необъяснимое.

– Какого алтаря? – Ксандр задумчиво поглядел на дверь.

– Свадебного. Или где у вас тут свадьбы устраивают?

– Я не… я не собираюсь жениться!

– Тогда тем более двери закрывать надо, – я подошла к двери и потрогала ручку. – А тут ни замка, ни щеколды захудалой.

Ксандр молча придвинул к двери комод. Массивный такой. Дубовый. Или еще из какого дерева, главное, что точно не ДСП, а значит, и весу соответственного. И ведь сдвинул-то легко, одной рукою.

Вот что значит не желает человек семейное счастье обрести.

А ведь…

Чем не мысль, в самом-то деле? Если глобально, то… вот женится Ричард. И поселит супругу в Замке. Мысль о том была категорически неприятна, но я нахмурилась и усилием

воли её подумала. Только ей ведь одиноко тут будет.

А вот если и Ксандра женить.

И Лассара…

Всяко веселее. Тогда-то и мне можно будет уйти с чистой совестью. Куда? Понятия не имею. В закат.

Я подавила тяжкий вздох и вернулась к лежавшей девице, раздумывая, подходит она Ксандру или нет. Теоретически потенциальный некромант и лич – это вполне себе душевная пара…

Осталось донести эту мысль до них самих.

Я потерла руки, чувствуя, как где-то там, в глубинах разума, где еще обретается дурь молодецкая и гениальные планы, зарождается великая мысль.

– Так что там с нею? – поинтересовалась я презаботливо.

А что, помощь девице в беде – первый шаг навстречу счастью. Главное, не спугнуть перспективой. И потому пусть лучше о деле думают.

Да.

Ксандр покосился на дверь и комод, явно прикидывая, достаточно ли тот тяжел, чтобы предотвратить появление свидетелей, но все же вернулся к девице. А та, как водится приличной девице, лежала себе тихонько, бледна и болезненна с виду.

Самое время спасать.

А вот то, что Ричард присел рядом, это уже… не подходит она ему.

Категорически.

Несмотря на редкий дар. Слишком самолюбивая и самоуверенная.

– Ты, пожалуй, прав, – он провел ладонью над лицом. Потом осторожно, с нежностью даже, отчего у меня зубы свело, повернул голову принцессы влево.

И вправо.

Потом приподнял веко и заглянул в глаз. Я бы тоже заглянула, ну, чтобы в курсе дела быть. А то вдруг пропущу чего важного, но глаз был один, да и места рядом с козеткой не осталось.

– Воздействие имело место. И подкреплялось не единожды… – он веко отпустил и поглядел на Ксандра. – Странно только, что оно взяло и слетело.

– Чего тут странного. На ней вон, твои игрушки.

Ксандр приподнял вялую руку, на которой переливался яркими камушками драгоценный браслет.

– А заговаривал ты их на защиту. Вот и защитили.

– Да нет, защита внешняя, хотя… – Ричард руку перехватил и пробежался по камушкам пальцами. – Скорее уж их энергия вошла в противостояние с тонкими оболочками заклятья. Тем более, было оно не блокирующим. Добавим еще само поле замка, близость Проклятых земель.

– А мне объяснить? – я скрестила руки на груди.

Еще ногой бы топнуть, но это уже совсем по-детски. И тотчас даже стыдно стало за свою несдержанность. Но

Ричард осторожно уложил руку принцессы на грудь её.

– Подойди, – он посторонился, и я подошла.

Опустилась на ковер. Поглядела… нет, все равно не сочувствую. Вот ни капли.

– Смотри. Ты ведь видишь?

– Что?

Я прищурилась. А ведь… будто дымка над головой вьется, только какая-то странная, рваная. Я хотела потрогать кусок её, но Ричард перехватил руку.

– Не надо. Это может быть опасно.

– Что это?

– Остаточные эманации заклятья. Только странно, конечно… придворный маг должен был бы его увидеть.

– Может, и видел, – как-то все взяло и сложилось одно к одному.

– Думаешь? – Ричард сам коснулся дымки, и она осторожно обняла его пальцы. А потом впиталась в кожу. Сперва один клок, потом другой.

– Может, он вообще его и сделал. Это вот заклятье.

– А знаешь, – задумчиво произнес Ксандр. – Я, пожалуй, соглашусь.

– Но зачем?

– Из-за дара, – Ксандр обошел козетку и склонился над лежавшей девой. – Ты заметил? Она была вся такая… правильная. Очень правильная принцесса. А потом увидела мертвеца и раз, будто взяла и…

– Переменилась.

– Именно.

И замолчали оба.

А я… я смотрела на бледное лицо.

– Там, во внешнем мире, некромантию, мягко говоря, не любят. И некромантов. Считают проклятыми. Темными. Боятся, – Ксандр говорил медленно, растягивая каждое слово. И честно, эта вот его манера изрядно действовала на нервы. – Хорошо, что вовсе не закрыли.

– Если запереть дар, человек умрет.

– Знаешь, далеко не для всех это было бы аргументом. Нет… допустим, дар проснулся. И судя по тому, как ловко она обращалась с этой покойницей, она точно знала, что делает. То есть, где-то как-то её успели обучить. Хоть чему-то. Как? И кто?

Принцесса слегка нахмурилась и застонала.

– Вряд ли с разрешения родителей. Скорее уж наоборот. А потом все вскрылось.

И опять замолчал.

Нет, я его бодну, честное слово. Я уже даже начала сочувствием наполняться, а он тут опять туманы напускает. К слову, туман аккурат почти и исчез.

– Вот и выходит, что заблокировать дар не рискнули, а вместо этого сделали так, что она забыла о неподобающем увлечении. Скорее всего заменили чем-то другим. Более приличным.

Ричард кивнул и вытер руки о козетку. Потом смутился запоздало и спрятал их за спину.

– Пожалуй, ты прав. Тогда понятно. Действительно… дворцовому магу проще, чем кому бы то ни было наложить заклятье, а потом поддерживать. Возобновлять время от времени.

– Именно.

– И… что мы ей скажем?

Спросил и оба на меня поглядели, будто я знаю, что нужно говорить в подобных ситуациях. Хотя… что уж тут.

– Правду, – решительно ответила я. – Ей и так врали, выходит. И не только врали.

Я поежилась, представив, что моя матушка… ладно, моей матушке на меня было глубоко плевать, но оказывается, что и в этом подходе есть свои преимущества. А вот так… взять и влезть в голову.

Даже для блага.

– Её потому и сорвало при всех, что границы размылись, – добавил Ксандр. И теперь он точно смотрел на принцессу с жалостью. – Она просто не понимала, что такое при всех не показывают, что…

Принцесса тихо вздохнула.

И открыла глаза.

А глаза у нее оказались просто-напросто огромными. И черными-черными, как… как та тьма, что пряталась в зеркале. Только длилось это едва ли мгновенье. А потом чернота

отступила, откатилась, растворилась в столь же неестественно-яркой зелени.

– Что… со мной? – спросила Летиция Ладхемская почти шепотом. А я присела рядом и взяла её за руку.

– Ничего страшного. Обморок.

– Обморок? – хлопнули длиннющие ресницы, пробуждая в моей демонической душе зависть.

– От волнения. Вы труп ощупывали. Вот и переволновались, – я помогла ей сесть. И принцесса коснулась головы. Поморщилась.

– Болит.

– Это просто мозг развивается. Как разовьется, так и пройдет, – уверила я, поглядев на Ричарда. – Воды подайте.

Подали.

И я помогла принцессе напиться. И мелькнула мысль, что не такая она… в общем, не такая… и злиться на неё, беспомощную, сложно.

И вообще.

– Матушка расстроится, – вздохнула Летиция Ладхемская презадумчиво. – Ей ведь донесут. Я не понимаю, что со мной и… и как оно вообще… я умела, а потом… это неподобающе. А я забыла. Но вы должны рассказать.

А вот это было произнесено совершенно иным тоном.

Как-то даже поверилось, что вот сидит принцесса.

– Понимаете… – Ксандр поглядел на Ричарда.

– Дело… весьма тонкое… – а Ричард на меня.

А я что?

Я вообще во всей этой магии ничего не смыслю.

– На вас заклятье наложили, – сказала я, понимая, что эти двое так и будут ходить вокруг да около. А каждая минута, между прочим, приближает их к скандалу.

Или браку.

– Ментальное, – сказал Ричард и коснулся лба. Собственного. Правильно, нечего тут всяких посторонних принцесс трогать. – Мы полагаем, что дело в вашем даре.

– Даре… – она потерла этот самый лоб и нахмурилась. И застыла, явно пытаясь вспомнить. И судя по тому, как менялось выражение её лица, вспомнить-таки удалось. – Даре… конечно… даре…

Она резко поднялась, но тут же села.

– Голова кружится.

– Так бывает после отмены. Заклятье давнее. И поддерживалось долго. Вот вы к нему привыкли, – Ричард говорил извиняющимся тоном, будто и вправду чувствовал себя виноватым. – Это пройдет. Я снял остатки.

– Не помню.

– Тоже временно. Память восстановится, – это уже Ксандр и говорит спокойно так, без тени издевки. – Но отдохнуть вам все же стоит. Так что… музыкальный вечер сегодня стоит отменить.

– Музыкальный вечер? – какое искреннее недоумение.

И смущение.

И…

– К-какой вечер? Извините, – она подняла руку, и жест этот вышел донельзя рассеянным. – Извините… мне и вправду… надо… все обдумать. Решить…

– Главное, не спешите.

– Куда уж, – а вот усмешка получилась донельзя кривой. – Только… вы… поможете?

И взгляд этот беспомощный. И мое раздражение, потому что мужчины очень недооценивают опасность, исходящую от женской беспомощности.

– Конечно. Но вы хотели о чем-то сказать. Поговорить.

– Я? – и вполне искреннее удивление. Принцесса хмурится. Морщится, явно пытаясь вспомнить. Но потом вздыхает и признается. – Извините, но это я, кажется, тоже забыла.

Вот ведь.

– Ничего. Думаю, вспомните.

– Да… конечно… отдохну и… – встала она, опираясь на руку Ричарда. И от этой картины у меня зубы свело. И подумалось, что если бы принцесса под макияжем оказалась чуть более страшной, а то и вовсе лысой, я бы… я бы была рада.

Точно.

Ксандр с легкостью сдвинул комод. А потом, когда эти двое удалились, произнес:

– А ведь ей нельзя возвращаться.

– Почему?

Вот уж не было печали.

– Некромантов на самом деле не любят. В людском сознании некромантия прочно связана с чернокнижием. И новость, что принцесса обладает темным даром… в общем, любви к королевскому дому она не добавит.

И вздохнул.

Я тоже.

Скрыть чудесную новость? После того, как она устроила показательное выступление для всех? И думать нечего. Разве что закопать все четыре дипломатические представительства где-нибудь в саду. Но нынешний сад не столь велик. Да и… нехорошо это.

Не говоря уже о том, что вряд ли осуществимо. Гости точно воспротивятся.

– Так что ей теперь или замуж, или в монастырь… – завершил Ксандр.

А я подумала, что монастыри-то бывают очень даже неплохие.

Глава 10
Где добро продолжает постигать тайны прошлого

«Привези мне, батюшка, зеркало чудесное, из серебра да злата сотворенное, самоцветами убранное. Такое, что глядишь в него, а красоты прибавляется».
«Сказ о коварной деве и зачарованном королевиче».

Артан недолго колебался.

Точнее только подумал, что если и падет в неравном бою с каким-нибудь чудовищем, то не того ли он искал всю жизнь? В смысле, не смерти, но подвига.

Не ими ли, чужими, вдохновлялся.

Правда, появилось такое вот нехорошее чувство, что, возможно, подвиг и погодить может. Скажем, лет так на пару. Что не все вопросы решены и вовсе давно он уж дома не был. И пусть даже с отцом отношения не заладились, но матушка всегда встречала Артана пресердечнейше. И слушала его. И вздыхала. И даже не пыталась уговорить вернуться к делам мирским.

А он письма ей не написал.

Все герои перед подвигом всенепременно писали письма родным и близким, в которых признавались в любви и про-

сили прощения. А он вот так пойдет.

Неудобно, однако.

Но Артан силой воли подавил позорную мысль о бегстве. И решительно шагнул во тьму очередного коридора.

Нет, залы.

Большой такой залы, которая вовсе показалась необъятною. Медленно, один за другим разгорались светящиеся камни на колоннах. И желтоватый свет их кое-как разгонял тьму.

Пахло… цветами.

Камнем и цветами. От запаха этого странного голова кружилась, а во рту появился кисловатый привкус. Артан силой воли попытался усмирить бьющееся сердце, но вышло плохо. Следовало признать, что до героев древности ему далековато. Те-то колебаний не знали. А он прямо весь какой-то исколебавшийся.

Он сделал шаг.

И остановился.

Каждый звук, даже самый слабый, рождал эхо. И тьма оживала. Метнулись тени по стенам, зашевелились, передразнивая Артана.

Что это?

Он сделал еще шаг. И третий дался уже многим легче.

Зал.

Просто зал.

Зачем?

Кому понадобилось выдалбливать в толще скалы этакую вот… пещеру? И для чего? Артан подошел к стене. Гладкая. Не такая гладкая, как та, что снаружи, но все же камень обработан. И главное, что ни тебе письмен таинственных, ни какой иной инструкции для случайного героя.

Стены вот.

Колонны.

Одни малые, в человеческий рост, с кристаллами, другие высоченные, уходят ввысь, выпуская тонкие дуги арок, которые пересекают потолок, чтобы опереться на другую такую вот колонну. И в пересечении их видится сходство то ли паутиной, то ли крыльями летучей мыши.

Жуть, в общем.

И голова кругом идет. А главное… главное все одно не понятно. Зачем? Замок вон рядом. Там залов всяких, больших и малых. А тут еще один. И кем построен?

Артан дошел до середины и остановился. Голову задрал, вглядываясь в потолок. С него свисали на цепях огромные круги, а уже с них – светящиеся камни. Правда, эти загораться не спешили, то ли иссякли за многие годы, то ли требовалось что-то сделать, чтобы пробудить их к жизни.

– Эй, – он осмелел и крикнул. – Есть тут кто?

– Кто? Кто? – заволновалась тьма, и тени засуетились. А кристаллы под потолком ожили. Сперва один блеснул искрой, потом другой, третий, они разгорались стремительно и силы набирали.

Становилось светлее.

В какой-то момент света стало так много, что от избытка его возникла резь в глазах. Артан потер их. И закрыл. Постоял, позволяя слабому телу привыкнуть.

Сердце успокоилось.

Чем бы ни было это место, в нем не чувствовалось угрозы. Но… все равно не понятно. И потому он осторожно двинулся вдоль стены. И рукой её касался, боясь пропустить что-то важное, но неприметное. Однако стена была гладкой.

И простой.

И зал… длился и длился. Колонны. И снова колонны. Пол… пол тоже без узоров. Несостоявшийся подвиг наполнял душу некоторым разочарованием. Все-таки от тайных проходов в скале ждешь чего-то большего, нежели огромная пустая и забытая, что людьми, что богами, зала.

Артан вздохнул.

И тьма подхватила его вздохи, склоняя на многие голоса. В какой-то момент даже будто засмеялась, но тотчас смолкла.

А потом, смилостивившись над глупым нетерпеливым человеком, отползла. Она отступала медленно, пятясь, выпуская одну статую за другой. И сперва-то Артан принял их за очередные колонны. Но вскоре понял ошибку.

Статуи.

Огромные фигуры. Богов? Нет, людей. Узкие у основания, они расширялись кверху, почти сталкиваясь друг с дру-

гом невообразимо большими плечами. И на них головы казались совсем уж махонькими.

Чудные одежды.

То ли платья, то ли просто материя, что вольно стекала, обнимая гигантские эти фигуры.

Артан задрал голову и отступил, пытаясь разглядеть хоть что-то.

Но лица терялись в сумраке, а фигуры казались слишком уж похожими друг на друга. Разве что… вот одна держит щит. Круглый, иссеченный то ли ударами, то ли временем.

А в руках другой – клинок.

Свиток держал третий.

У ног четвертого раскинулся целый город человеческий.

Посох пятого попирал каменные волны, и на них застыл крохотный корабль, у которого Артан задержался надолго, до того умело был этот корабль исполнен. Правда, он глядел-ся непривычно узким и длинным, и оскаленная пасть чем-то напоминала лодки островитян, как и квадратный парус. Но сходство было отдаленным.

Что это?

Храм?

Не похоже.

Где алтарь? И боги, если это боги, выглядели слишком уж земными.

Он продолжил путь в тишине, которая больше не пугала. Напротив, снизошло на душу успокоение, какое случалось с

Артаном лишь в храме да и то давно, когда не переполняли его еще все нынешние заботы.

Женщина.

Точно женщина. Она тоньше и будто бы изящнее, хотя вряд ли статую подобной величины вовсе можно назвать изящною. И наряд мало чем отличается от мужского, разве что ткань перехвачена под грудью и облегает выпуклый живот. Его женщина и придерживает обеими руками.

Артан поклонился ей.

Им.

– Простите, если оскорбил присутствием своим ваш покой, – сказал он громко и четко. Пусть даже никто и не слышит, но героям к лицу вежливость.

Да и матушка одобрила бы.

А письмо написать стоит. Потом. Когда вернется.

Статуи молчали.

А он…

Зал превратился в узкую галерею, по обе стороны которой возвышались статуи. И с каждым шагом становились они будто… меньше? Определенно, меньше. Артан шел. Не спешил. То и дело останавливался, разглядывая то одну статую, то другую. Вот воин в причудливом доспехе. Голоногий, облаченный в некое подобие юбки, тот, однако, не гляделся смешным. Теперь, когда воин возвышался над Артаном но не так, чтобы совсем уж высоко, он сумел и лицо рассмотреть, пусть даже то почти скрывалось под шлемом.

Странным тоже.

Кто носит такие? Со щеткою наверху? Зачем она надобна?

Не важно.

И снова человек с посохом, правда, не один. К ногам его жались чудовища, только гляделись они отчего-то жалко.

Людей сменили… демоны?

Нет, демоны тоже были, но изображенные вдали, смутными тенями. Они скорее угадывались в каменных нишах, что стали для статуй вместилищем.

Но и люди…

Женщины.

Изящные. Несомненно, прекрасные, только красота их не привлекала, скорее уж заставляла пятиться, ускоряя шаг. Вот у одной появились рога. Точь-в-точь, как у демоницы, что повсюду следовала за Повелителем тьмы. И сама-то похожа.

Немного.

Хвост.

И… имена. Артан пропустил момент, когда у подножия статуй появились медные таблички. Металл потемнел от времени, да стерлись многие символы. Но Артан сумел-таки прочесть.

– Ар-рей Архаг, – он опустился на колени и пальцами повторил изгибы рун. Слова старого языка прозвучали в тишине резко. И тени тотчас пришли в движение, засуетились.

– Ирей Архаг. Арана…

Он читал, не понимая, что читает. Могли бы для несчастных потомков оставить не только имя, но пару слов о том, кто это был и чем занимался.

А то и вовсе лучше бы не пару слов, но мемуары там.

Или жизнеописание.

Хотя бы кратенькое.

– Эрея… – женщина выгнулась словно от боли. Она стояла, раскинув руки, в позе совершенно неестественной. И прекрасное лицо её исказила уродливая гримаса.

Снова мужчина.

И… статуи закончились.

А он оказался в очередной пещере. Сколько же их скрывается в скале? Впрочем, Артан слыхал, будто в южных морях есть острова, где скалы сплошь изгрызены пещерами. И блуждать в оных можно годами.

Артан призадумался и оглянулся.

Перспектива блуждать годами его не вдохновляла. Вот совершенно. Правда, тут же подумалось, что блуждания его на столь длительный срок точно не затянутся, раньше он умрет от голода и жажды.

Но…

Пещера была невелика.

И иных выходов не наблюдалось.

– И что это такое? – спросил Артан вслух, ибо тишина изрядно давила на разум.

– Такое, такое, – отозвалось вялое эхо.

И смолкло.

Здесь не было статуй. И колонн тоже. Неровные стены. И столь же неровный пол. Потолок, с которого свисали белые тускло светящиеся нити. Они почти касались… чего?

Сперва Артан принял это за алтарь, но вскоре понял свою ошибку.

Саркофаг.

Саркофаги ему случалось видывать. В той же обители во времена древние братьев в саркофагах и хоронили, это уже потом места не осталось, да и дорогое удовольствие – саркофаги, вот и нашли способ попроще.

Артан мотнул головой.

И сделал шаг.

Сердце вновь заколотилось. А во рту сделалось кисло. Вспомнилось вдруг, как они с братом играли в поиски сокровищ, как забрались в подвалы старого дома и там блуждали. Правда, нашли старую подкову, три гвоздя, один из которых пропорол Артану ногу и пару дохлых крыс. Ну и розги, уже потом, по возвращении, ибо отец сокровищами не проникся.

Как и пропоротой ногой.

Надо будет помириться.

Давно надо было помириться. Он ведь неплохой человек. И всегда желал Артану добра. А что у них о добре разные представления, так кто ж в том виноват-то?

Еще шаг.

И знакомое вдруг давящее ощущение. Тьма, до того при-

творявшаяся обыкновенной, по-настоящему оживает. Она клубится. И манит.

Она здесь.

Рядом.

Всего-то и надо, что подойти. Заглянуть. Даже не надо заглядывать, достаточно будет коснуться крышки. Руки сами потянулись к ней.

– Нет, – Артан стиснул зубы. Сердце колотилось, что сумасшедшее. А тьма… тьма хохотала. Беззвучно.

Кого ты хочешь обмануть, мальчик?

Ты притворяешься.

Ты всегда притворялся. И все тебе верили. Светозарный… какой из тебя светозарный, если ты всегда, с самого рождения своего, с первого вздоха, принадлежал именно тьме?

– Неправда.

– Правда-правда, – отозвалось эхо.

Правда. Иначе она бы не отозвалась. Тогда. Чернокнижниками не становятся. Ими рождаются. И ты родился таким.

Помнишь?

Все ли помнишь?

Или напомнить? Тот черный-черный коридор. Свечи. Зеркало.

– Это была детская глупость!

Книга, найденная в библиотеке. Теперь, спустя годы, кажется, что она сама в руки скользнула. И раскрылась на нуж-

ной странице. Древний язык, который Артану не давался, вдруг тоже ожил. И руны сплелись заклятьем.

Ты ведь его прочитал.

Ты и никто другой.

И ладно бы только прочитал. Кто решил испытать? Кто пробрался ночью в библиотеку? Кто принес зеркало. И склянку с кровью. Свиной кровью, которую хранили на кухне, чтобы делать колбаски? Помнишь, как тряслись руки, когда ты на эту кухню пробирался.

– Это была глупость. Детская глупость, – губы шевелились. И Артан слышал свой голос, словно со стороны.

И видел.

Их.

Мальчишек. Сколько им было? Ему пятнадцать. А Кристофу чуть меньше, но он всегда-то с радостью участвовал во всех проделках.

А уж такое приключение, как пропустить?

Босые. В белых ночных рубашках. С кровью этой. С зеркалом. Матушкиным, серебряным, на длинной ручке. Книга раскрытая. Грязная, то ли в жиру, то ли еще в чем испачканная.

Свечи.

И собственный голос, который нервно зачитывает старое заклятье.

– И что? – брат хмурится, потому как заклятье было произнесено, но ничего не изменилось. – А дальше?

– Погоди, – Артан зубами пытается вытащить пробку из склянки. В склянке тоже хранилось что-то матушкино, то ли масло розовое, то ли еще какая ароматная гадость. Но оставалось там мало, а склянок у матушки была дюжина, если не две.

Она и не заметила бы.

Она и не заметила.

Пробка выскочила, и руки дрогнули. Свиная кровь выплеснулась и на них, и на зеркало, и на книгу. Темные пятна впитались в страницы.

– А… дальше чего?

Он всегда был нетерпелив, младший брат.

– Не знаю, – Артан подвинул зеркало к себе. – Ждать, наверное. И думать.

– О чем?

– Ну, о том, что ты увидеть хочешь.

Кристоф нахмурился и постучал по лбу. А потом спохватился.

– А думать одному? Или двоим? И как оно тогда поймет, кому чего показывать?

– Не знаю. Может… давай я?

– Давай, – с легкостью уступил Кристоф. – Только ты, может, еще раз зачти? А то вдруг оно не поняло?

Артан кивнул и, облизав пересохшие губы, заговорил. Во второй раз слова древнего заклинания сплетались друг с другом. И каждое произнесенное меняло Артана. Оно тянуло

изнутри.

Что-то.

И темная кровь, лившаяся на зеркало – хорошо, додумались и таз принести, в который зеркало и положили – завораживала.

В какой момент это случилось?

Будто внутри Артана что-то лопнуло. И из носа тоже полилось. Его кровь хлынула потоком, таким необычайно ярким, что Артан удивился. И запнулся.

Качнулась нить заклятья.

И впиталась в зеркало. Вместе с кровью. А потом… потом зеркало потемнело. Оно стало черным-черным, как тьма, что жила в глубине старого колодца, подходить к которому им строго-настрого запрещалось, но они все одно бегали. Даже когда в колодец провалился поваренок, и слуги стали шептаться, что это дом взял свою обычную жертву.

Но та тьма спала.

Эта же… она клубилась, она выползала. Она… Кристоф вдруг замолчал. А тьма потянулась к Артану. И он к ней. Он видел себя со стороны. Безумный взгляд. Приоткрытый рот, который растянулся в улыбке. Тоже совершенно безумной. И когда пальцы коснулись зеркала, Артан и в самом деле увидел.

Он… забыл!

Он ведь увидел! Действительно увидел! Книга не обманула. Тьма редко лжет, ей этого не нужно. Правда тоже бывает

на диво многообразной.

И здесь.

Туман.

Горы.

Он никогда-то раньше не видел таких гор. Они казались стеклянными. Город. Очень и очень древний город. Артан это понял сразу. Он видел его. И видел себя. Там, на опустевшей улице. Он шел мимо мертвых домов, по вымощенной белым камнем дороги.

Солнце слепило глаза.

Но он шел.

Он должен был.

Туда, где возвышался то ли храм, то ли дворец. Строение столь прекрасное, что сердце замирало от предвкушения.

– Артан! – крик брата донесся откуда-то издалека. А он все смотрел.

На мраморную лестницу, покрытую трещинами. Но сквозь них не проросли травы. Здесь, в этом городе, у трав не было сил.

На распахнутые двери.

На кости, что остались лежать перед ними. И обратились в прах от легчайшего движения воздуха. На залу, что ждала годы и годы.

Кого?

Артана?!

Тот же мрамор пола. И белые стены, изрезанные золотыми

символами, столь древними, что слабых знаний Артана не хватает, чтобы прочесть их.

Но он идет.

И отмахивается от тени за плечом, той, что пытается остановить его.

Он точно знает, что должен добраться.

Куда?

К дюжине колонн, что выросли в центре зала, подобны диковинным деревам, если в мире существуют мраморные деревья. Они образовали круг, а в центре этого круга, на полу, испещренном все теми же золотыми символами, лежала дева.

Она была столь прекрасна, что дух захватывало.

– Артан, очнись! – этот крик заставил его задержаться. На мгновенье. И мгновенья хватило, чтобы на плечи пала невыносимая тяжесть. – Стой!

Артан дернулся, а потом ударил.

Он должен.

Он побежал, опасаясь, что тот, кто за спиной стонет, что он остановит Артана. Нельзя было допустить этого. Нельзя! И звуки шагов его, и сорванное дыхание нарушили многовековую тишину. А он, переступив границу, которую охраняли мертвецы – впрочем, Артан знал, что ему они не повредят – остановился перед девой.

Она была обнажена. И тогда великолепие женского тела вновь поразило Артана. Он устыдился и этого великолепия,

и собственных глубоко постыдных желаний, что возникли в душе его.

А дева открыла глаза.

И улыбнулась.

Её губы шелохнулись, но ни слова не произнесла она, лишь тяжело, словно пытаясь превозмочь некую силу, сковавшую её, подняла она руки.

И с них потекла кровь.

Алая-алая, нарядная. Кровь наполнила её ладони, и струи скользнули по запястьям, оставляя на белоснежной коже узоры. К локтям. И ниже. Кровью вдруг вскипела кожа девы, а тело изогнулось. Из губ вырвался рык.

– Стой! – эхо крика осталось где-то там, во внешнем мире.

Артан же склонился над девой.

– Чем тебе помочь? – его душа раскалывалась от боли. А дева вдруг рванулась навстречу и губами коснулась губ его.

Тьма опалила.

И…

…и он очнулся. Там, в библиотеке.

Таз.

И кровь в нем, черная, свернувшаяся. Зеркало, которое будто оплавилось. Он сам, едва способный сидеть от слабости.

Кристоф, что скулил, свернувшись рядом.

– Крис, – просипел Артан. Губы горели. Тело горело, ломило от слабости и еще чего-то. А чего? Он понять не мог. –

Ты… ты…

– Ты? – Кристоф сел и вытер разбитый нос. – Ты… нормально?

Артан хотел было кивнуть, но слабое это движение заставило застонать от боли. И он сдержал стон.

– Что тут…

– У тебя глаза вдруг черными сделались. Я звал, звал, а ты никак… и кровь. Кровь шла все время. Из носу. Ты… видел? Что ты видел?

– Нет, – зачем-то соврал Артан, чувствуя, как сама суть его сжимается от ужаса. – Ничего. Наверное… что-то не так пошло.

– Наверное, – с некоторым сомнением произнес Кристоф.

И помог встать.

Тогда, ночью, уже почти перед самым рассветом, они сумели вытащить таз из библиотеки. И свечи. И остатки крови. И матушкино зеркало. Они бросили все в выгребную яму. И молча вернулись домой, чтобы никогда больше не заговаривать о той ночи.

Правда, на следующий день Артан слег.

И маялся горячкой целую неделю. А брат не отходил. Брат говорил, говорил… что-то говорил… и читал. И рассказывал. И будто боялся, что если замолчит, то Артан не справится.

Но все равно не рассказал.

Никому.

Артан же выздоровел. И решил стать паладином. Не оттого, что был столь уж наивен, как полагал отец. И подвиги… мысль о них появилась позже, ибо надо было объяснить произошедшее не только отцу и прочим людям, но и себе.

А потом он вовсе взял и забыл.

– Видишь, – прошептала тьма ласково. – А теперь вспомнил.

– Нет, – он покачал головой.

– Да. Ты знаешь, что будет. Ты ведь уже понял… хороший мальчик. Хороший-хороший славный мальчик… мой мальчик.

– Никогда.

– Уже, – она отступила, отползла, позволяя Артану вновь осмыслить себя.

Вот он.

Стоит.

Где?

Пещера. И саркофаг. Камень. Черный. Артан такого не видел. И под руками камень кажется гладким, словно шелк. Его приятно трогать. И на прикосновения он отзывается ласковым теплом.

Саркофаг…

Огромен.

И в нем похоронен мужчина. Точно. Резчик постарался, и камень почти ожил. Мужчина крупный и даже в смерти выглядит величественно. Руки его покоятся на длинном мече,

который посверкивает сталью. А на голове лежит корона.

Странная корона.

Артану случалось бывать при дворах. И короны он видывал, всякие, но те были неизменно золотыми и украшены каменьями щедро. Эта же…

Пальцы коснулись её. И Артан не удивился, увидев, что на темном металле осталась более темная полоса его крови. Кажется, в этом месте кровью и платили. За что?

Как знать.

Кровь вошла в камень, и мертвый мужчина открыл глаза. Взгляд его вперился в Артана. Губы дрогнули было. Но… то ли сил было мало, то ли крови.

Артан не отступил.

А мертвец улыбнулся. И веки его сомкнулись. И… и это тоже что-то да значило.

– Прости, – сказал Артан. – Что потревожил твой покой, но… мне страшно.

Это признание далось ему не легко. Но стоило сказать, и стало легче.

– Я узнал эти горы. И город… он ведь именно такой, верно? И она там. И… и я приду к ней?

Ладонь его накрыла руки мертвеца. И меч. И… и тот ответил Артану. А потом вдруг тот осознал себя, сидящим подле саркофага, сжимающим в одной руке меч, а в другой корону. Ту самую, железную, с кривоватыми зубцами, будто сделанную безумным деревенским кузнецом.

Артан стоял.

Держал эти вещи и смеялся.

Подвиг? Он хотел подвига? Что ж, он его совершит… или уничтожит весь этот гребаный мир окончательно.

Глава 11
В которой прогулка по саду получает неожиданное продолжение

«И как девка в возраст невестин входит, надобно родителям приставить к ней доглядом вдову какую или иную женщину почтенную, ибо девичье сердце слабо да влюбчиво. Случится порой какой девке увидеть на ярмароке скомороха или иного пустобреха, она и влюбится, и вот уж, любовею этою одуренная, не слышит ни отца, ни матери, ни иных родичей. От женихов годных нос воротит, слезы льет да еще порою грозится руки на себя наложить, ежели не дозволено ей будет браком с негодником сочетаться»

«Книга, писаная для пользы и правильного воспитания дев звания всяческого, дабы оберечь их от тягот любовных и иных сущеглупостей»

Мудрославу поймали в саду. Нет, она не пряталась, просто… стало вдруг невыносимо душно в замке. Появилось желание выйти, хотя бы этот сад, который некогда, надо полагать, был роскошен, но ныне о былой роскоши напоминали лишь белесые статуи, порой почти сокрытые плющом.

Здесь и пахло не цветами.

Скорее уж лесом.

– Слав, ну не злись, – Яр увязался следом. – Ну кто ж знал-то? Смотрю, старуха эта девчонку обижает. И главное, охрана есть, а будто и не видят. Как так можно было не влезть?

Можно было.

Наверняка, можно было. И… и не тому ли её учили, что порой стоит пройти мимо. Только от мысли о том тошно. Вот и не выходит злиться.

– Заступился?

– Да не трогал я её! Она там сама… начала выть про проклятье какое-то, руками трясти. А потом раз и померла.

Яр вздохнул и поскреб шею.

– Не нравится мне все это.

Мудрослава согласилась. В самом деле подобное мало кому понравится может. И старуха… до чего не вовремя. Откуда она вообще взялась?

Мудрослава не помнила в свите степнячки старух.

– Я… – Яр остановился и поднял ветку, что свисала слишком уж низко над тропой. – Может… пойду, поговорю с девчонкой?

– Как она тебе?

– Да обыкновенно! Ну… ну ты меня уже оженить хочешь?

– Почему нет? Степь богата. Видел, сколько лошадей она привела? А у нас, сам знаешь, добрых коней днем с огнем. Разумовский давно говорил, что надо бы вопросом заняться. Вот и положишь начало.

– Меня на коней обменяешь?

– Дурак, – вздохнула Мудрослава. – Жениться все одно придется, так что лучше, если с выгодой. И тебе она нравится? Нравится ведь?

– Не знаю, – Яр тоже вздохнул. – Так-то оно, конечно, такая… маленькая, тихенькая… только на меня она не глядит.

– А с чего ей глядеть на непонятную девку.

– Вот… скажешь тоже!

– И скажу, – Мудрослава чувствовала непонятное раздражение. – Иди уже… только осторожно, ладно? Если вдруг выплывет, что ты… в общем, скандала не оберешься. И постарайся, чтоб без трупов.

– Постараюсь! – Яр подпрыгнул. – Честное слово!

И исчез.

А она осталась. Нет, не одна. За спиною на приличном расстоянии держалась пара служанок, с ними и стража, но чувство одиночества было до того острым, что слезы в глазах закипели. И нет, Мудрослава не собиралась плакать.

Она сильная женщина.

Она… вот влюбится Яр в эту степнячку. Женится. То есть, сперва посватает, и ему не откажут. Кто в здравом уме будет отказывать государю Виросскому? То-то и оно… привезет её во дворец.

Разберется с чернокнижником.

И заживут они с женою молодой в любви и согласии. А Мудрослава? Что с нею?

– Славушка, – зашелестели листья. – Слава, Славушка…

…вновь отошлют к любящим мужниным родичам? Или нет? Нет, Яр, он… не такой. Мужа подыщет. Хорошего. Или не очень. Главное, что такого, который на трон претендовать не станет. И отправит подальше куда, наградит губернией, землями и велит в них сидеть да носу не казать. А думать, будет ли тот муж по сердцу, никто не станет.

Или… вовсе в монастырь?

А то и еще хуже, сидеть при Яре перестарком-пустоцветом, нянчить чужих детей, о своих и не помышляя. Да зависти переполняться.

Она шмыгнула носом и обернулась.

– Славушка…

Нет никого.

Ни служанок, ни стражи, будто… будто взяли да сгинули. Сердце ёкнуло, и обида отступила. Ненадолго.

Яр не такой.

Яр…

– Славушка, – вздохнули над самым ухом, и крепкие руки, те самые, надежней которых в мире не было, обхватили её, закружили. – Как же соскучился я по тебе, Славушка.

И она, позабыв про честь и гордость, прильнула к его груди. Заглянула в глаза, разом потерявшись, позабывши обо всех обидах.

Если попросить брата… он ведь не откажет.

Он… надумал себе всякого про Старомысла. Но это ведь

неправда. Сплетни. И та лесная колдунья тоже ошиблась. Или не ошиблась, но со зла оговорила. Бывает же такое? Бывает.

Конечно.

– Тише, родная моя… тише, – её гладили по голове, и Мудрослава успокаивалась.

Сердце в груди колотилось пойманною птицей.

Да, она поговорит с Яром.

Объяснит.

И…

– Все-то у нас будет хорошо, – заверили её и осторожно коснулись щеки. Отчего-то поцелуй этот заставил вздрогнуть, и на коже будто след липкий остался. Впрочем, ощущение этой липкости, самого следа, длилось недолго, сменившись тем же счастьем.

Тем же, но… не тем.

– Осталось немного потерпеть, – человек, лучше которого во всем мире не было, отстранился. Но рук Мудрославы не выпустил. – И помочь. Ты ведь сделаешь для меня кое-что?

Все, что угодно!

И сбежит, и… и Мудрослава прикусила губу, пытаясь выбраться из этой розовой безумной влюбленности, которая появилась слишком уж вдруг.

– Конечно, – говорить и то получалось с трудом. Казалось, что каждое произнесенное вслух слово разрушает их счастье.

А еще билась в голове мысль, что… много мыслей.

Про колдунью.

Яра.

Разговор. Потом. После. Надо молчать. Про колдунью и Яра так точно. Но если вдруг он спросит, Мудрослава не сумеет промолчать. И это тоже неправильно.

– Вот и чудесно, – в голубых глазах мелькнула тень.

Скука?

Разочарование? Обида опять заклокотала в груди. Да как смеет он…

– Тихо, тихо… – её руки перехватили и сжали. – Извини. Переборщил немного. Тут сложно силу чувствовать. Смотри на меня, девочка. Вот так. Только на меня. Ты видишь?

– Ви-жу, – выдавила Мудрослава, не способная отвести взгляд.

– Слышишь?

– Слышу.

– Слушай сюда, маленькая царевна. Ты любишь меня, я люблю тебя, – это было сказано в сторону и на диво скучным тоном. Правда, от слов этих сердце пустилось вскачь, но что-то внутри Мудрославы отметило и этот вот тон, и что глядит Старомысл уже в сторону. Не на неё. – Мы обязательно поженимся и будем жить долго и счастливо. Ясно?

– Д-да, – получилось донельзя жалобно.

– Вот и хорошо. Но для того ты мне должна помочь. Вот, возьми, – в руку что-то вложили. – Отнеси это ладхемке.

Старшей. Той, которая некромантка. И подари. Проследи, чтобы взяла и надела.

– Зачем?

– Не твоего ума дело, – раздражено бросил Старомысл и все-таки отпустил Мудрославу. – Так нужно. Для нашего с тобой счастья. Ты же хочешь быть счастлива?

– Да.

– Вот видишь. И я. Не надо. Не ревнуй. Она ничего для меня не значит. Я люблю лишь тебя одну.

Вот теперь Мудрослава не поверила. Ни на мгновенье. То ли чары ослабли, то ли здравый смысл очнулся, но не поверила. И вдруг увидела его словно со стороны.

Красивый?

Пожалуй. Она-то ничего в мужской красоте не мыслит. Высок. Статен. Широк в плечах. Чуть тяжеловесен, но эта медвежья тяжеловесность нисколько не портит его. Избалован. И видно по лицу, по взгляду, по тому, как держится он, будто… будто не с Мудрославой Виросской беседует, но с какой-то девкою дворовой, которая готова за красивые глаза барину отдаться.

Мерзко стало.

До тошноты.

– Сделаешь, – он не спрашивал, он приказывал.

И Мудрослава с трудом, сдерживая рвущуюся наружу ярость, разлепила губы.

– Да.

– И не ищи встречи. Надо будет – сам найду. Никому о нас не говори. Об это – тоже. Будут спрашивать, соври, что твое. Подарок в знак симпатии.

– Да.

– И ладно, – он потянулся, как-то лениво ущипнул Мудрославу за щеку и бросил тихо, в сторону. – Царевна, царевна… баба – она баба и есть.

А потом ушел.

Как-то вдруг. Мудрослава же осталась. Она стояла, сжимая в руках что-то холодное и гладкое.

Камень.

Синий камень на цепочке. Цепочка красивая, витая, тонкой работы. А камень драгоценный огранен каплею. Оправа его тонка, почти незаметна. И сам хорош. Глубокого цвета, той морской удивительной синевы, которая и придает цену.

Надо же…

А ей хоть бы колечко поднес или там ленту для волос.

Баба…

Как он сказал?

– Мать, мать, мать… – душевно выразился попугай, слетая на ближайшую ветку. – Ять?

Первые буквы слова Мудрослава тактично недослышала, но в душе с попугаем всецело согласилась. И протянув руку, погладила птицу по ярким перьям. Попугай же склонил голову и осведомился хриплым голосом:

– Зар-р-раза?!

– Еще какая.

– На р-рею! На р-рею!

Мудрослава подняла синий камень. Может, вариант и неплохой. Но где ты тут рею-то найдешь?

Теттенике смотрела на воду.

– Пей, – велел брат, и она подчинилась, поднесла к губам и сделала глоток. Правда, от глотка этого малого её едва не вывернуло.

Брат встал.

Бросил что-то, отчего убрались и служанки, и рабыни, и прочий люд, который теперь глядел на Теттенике не со страхом – с ужасом.

– Хочешь, уедем? – сказал он, обнимая. И Теттенике всхлипнула.

Когда-то она плакала. Много. Но слезы лишь злили старуху, и она щипалась сильнее, и шипела, и говорила… много говорила.

Стоило моргнуть, и слезы унялись.

– К-куда?

– Куда-нибудь. Я тут говорил… мир велик. Я знал, что велик. Есть острова. Там холодно и камень, но красиво. Море вот. А есть Виросса, там тоже море имеется, но еще земли. Много земель. У меня тут спрашивали, как лошадей купить.

– А ты меня продашь?

– С лошадьми возьмут охотно, любого выбирай.

– Не хочу любого, – помотала головой Теттенике. – Да и нехорошо это. Сюда позвали. Я пришла. И теперь другого? Неправильно так. Я… я просто испугалась. Очень.

Она тихо-тихо вздохнула.

И брат разжал руки. Нахмурился. Потер подбородок.

Что сделаешь, если Теттенике с рождения такая вот… пугливая безмерно? И главное, даже сейчас ей страшно. Слухи ведь пойдут. И про проклятье… предсмертные проклятья всегда сбываются. И стало быть, не найдется средь детей степи никого, кто рискнет взять Теттенике в жены.

Да и не только средь них.

Даже если вдруг польстится кто на лошадей, то… то все одно, разве можно будет довериться такому человеку? Брат, верно, то же самое решил.

И тоже вздохнул. Печально.

– Со всем мы справимся, луноликая, – и улыбнулся мягко-мягко. – С людьми я поговорю. Молчать станут.

Кто-то – несомненно, он и без просьбы слова не скажет, но всех ведь не заставишь. Вернутся в степь, понесут с собою истории разные. И про Теттенике тоже. Отец опечалится.

Верно, и вправду лучше бы Теттенике отдали Матери Степей.

– Не думай даже, – грозно произнес Танрак. – Набрала в голову всяких глупостей. Не слышала, что ли? Старуха не была ахху.

– Но…

– Шамайя, – это слово, сказанное шепотом, заставило Теттенике содрогнуться. Разве… вот так…

– Это… только… сказки.

Зубы почему-то мелко клацали.

Конечно.

Страшные сказки о мертвецах, которые не желают уходить, и восстают, притворяясь живыми. О мертвецах, что возвращаются к другим людям, чтобы красть их тепло.

– Сама подумай. Ладхемка же сказала, что она давно умерла. Да и тело… я поглядел.

Кровь стучала в висках.

– У нее на ступнях черные пятна. И на спине тоже. Такое вот, круглое.

Надо и вправду успокоиться.

Шамайя… что о них Теттенике знает? Только то, что в сказках рассказывают, страшных, которые еще страшнее оттого, что рассказывают их шепотом и ночью, сгрудившись у костра. Теттенике никогда не дозволялось подходить к тем кострам, близ которых собирались дети. Но порой она сбегала. И подбиралась близко-близко, так, чтобы слышать.

Шамайя…

Живет человек. Живет себе. Только нехорошо живет, не по заветам великой Матери. И копит в себе злобу, обиду и ненависть. Собираются они в сердце, наполняя его тяжестью. А потом, когда случается такому человеку помереть, то и не дают душе уйти к великой Матери. Привязывают её к телу.

И тело это восстает.

Как живое.

Только мертвое. И человек-то сам, сказывали, порой не понимает, что мертв он. Только злее становится. И начинает изводить иных, силу из них вытягивая.

Как… старуха?

– Но она ведь была ахху!

– Была, – согласился Танрак все-таки отпустив. – Только получить дар и пользоваться им – разные вещи, сестричка. А уж любой дар извратить можно. Вот, видать, и лишила её Мать своего благословения. Я ведь говорил с людьми. И все-то пытались вспомнить, когда же в последний раз Шаушан сделала благое дело. И знаешь, что?

– Не вспомнили?

– То-то и оно. Изрядно всем головы заморочила. Зато за последние два года пятерых девок извела. Якобы Великая Мать гневается. Да только… сомневаюсь я, что они отошли по закону.

Страх опять очнулся. Но тут уж Теттенике с ним справилась. И с дрожащими своими руками тоже.

– Если она и вправду шамайя, то выпила их. И тебя собиралась. Ты-то не рабыня, ты сильной крови…

…шамайя долго притворяться может, да только мертвое тело все одно живым не будет. Вот и распадаться начинает. А для того, что остановить гниение, надобна сила.

Сперва мало, но всякий раз больше.

И больше.

И… и насколько хватило бы ей Теттенике?

– Нам все одно не поверят, – Теттенике опустилась на край кровати. – Станут говорить, что придумали мы. Что сгубили ахху, оговорили, что…

– Станут, – согласился Танрак. – Но и пускай себе говорят. Найдутся и те, кто услышат правду.

Но сколько их будет?

Впрочем… что еще может сделать Теттенике.

– Не думай о плохом, – брат осторожно провел ладонью по волосам. И от ласки этой почему-то слезы опять подступили к горлу. – Просто не думай.

– Я не думаю, но… если она и вправду шамайя, то почему ушла? Умерла? То есть, она была мертвой, и выходит…

…не так просто изгнать дух из тела, особенно, если он сам уходить не желает.

В сказках лишь старый мудрый шаман или ахху могли пленить мертвеца, ибо сила их суть жизнь, а жизнь противна смерти.

– Выходит, что что-то пошло не так, – Танрак произнес это весьма и весьма задумчиво. – Но что… тут место такое. Может, в нем дело?

И Теттенике с радостью согласилась, что именно в месте и причина.

И в хозяине его.

И… быть может, в той рыжей некрасивой девушке, кото-

рая заступилась за Теттенике? И надо бы поблагодарить её. И подарить… что подарить?

Эти мысли неожиданно отвлекли.

И увлекли.

О подарке Теттенике думала, когда брат-таки ушел, а служанки вернулись и молча, стараясь не смотреть не Теттенике, поднесли шкатулки и коробочки. А Теттенике, устроившись на полу, где было куда как удобнее почему-то, раскрывала их и вытаскивала драгоценные камни, оправленные в золото.

Серебро.

Белый звездный металл.

Отец был щедр. Но отчего-то все-то казалось… не тем.

Неправильным.

И утомившись, так и не найдя нужного подарка, Теттенике складывала драгоценности обратно, уже вовсе не замечая того, что осталась одна. Или почти не замечая. Все-таки служанки боялись.

Пускай их, глупых.

А вот на постели, на подушках, которые поправляли рабыни, лежал цветок. Этот совсем не походил на хрупкие степные цветы, что и существуют-то доли мгновенья после дождя. Этот был на тяжелом стебле, мясистом и жестком. И сам-то крупный, какого-то темного, почти кровяного цвета. Он источал тонкий аромат, который дурманил. И Теттенике, прижав цветок к сердцу, подумала, что тот, кто сорвал его,

рисковал.

Нехорошо рвать цветы в чужом саду. Но…

Почему-то ей было радостно.

Глупая какая.

Глава 12
Где демоническая кровь оказывает влияние на разум и чувства

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.